

СИКСПЕКТР

КОНАН
И ЗОВ
АДРЕНРИХ

Северо-Запад

Annotation

Шемитский торговец спас Конана от тюрьмы, когда ночная стража застукала его на месте преступления.— Мне нужен надежный человек, который мог бы отправиться с моим караваном в Аренджун и взять на себя его охрану,- сказал он, не сводя пытливых глаз с киммерийца...Северянин и не подозревал, насколько сложным окажется выполнить это поручение...

- [Генри Бернс](#)

◦

Генри Бернс

Свадьба мертвецов

(«Северо-Запад», 1998, том 44 «Конан и зов Древних»)

Полуденное солнце заливало слепящим светом бескрайние равнины, по которым неспешным шагом двигался караван верблюдов, груженных тюками с овечьей шерстью, бычьими шкурами и прочими товарами, предназначавшимися для продажи на богатых многолюдных рынках Аренджуна. Привыкшие к палящей жаре верблюды шли мерной поступью, равнодушно глядя перед собой. Караванщики, которым тоже были привычны длинные переходы и ночевки под открытым небом, дремали, поудобнее устроившись на спинах животных.

То и дело прикладываясь к фляге с теплым кислым вином, Конан зорко вглядывался в приближающиеся холмы, за которыми вскоре должны были показаться городские стены Аренджуна. Выйдя несколько дней назад из Шема, караван проделал утомительный поход и, миновав Хорайю и Коф, вступил на землю Заморы. Особых приключений в пути не было, если не считать неудачную попытку покушения на туки овечьей шерсти во время ночной стоянки в небольшой деревушке, лежавшей у подножия скалистых гор на юге Кофа.

Предвкушая легкую добычу, разбойники, гогота и улюлюкая, вынырнули из темноты, и трое из них тут же отправились прямиком на Серые Равнины, а остальные в панике разбежались. Караван был небольшим, всего сорок верблюдов, но охраняли его десять опытных и хорошо вооруженных воинов. Этого разбойники, конечно, знать не могли, и, уж конечно, не догадывались, что среди охранников был сам Конан-киммериец.

Именно он в считанные мгновения снес головы троим любителям легкой наживы, обратив шайку в бегство. Остальные охранники успели лишь выпустить несколько стрел вслед убегавшим разбойникам. К этой стычке Конан не мог отнести серьезно – по всему было видно, что на караван напали новички, которые, получив отпор, тотчас побросали свое оружие и бросились прочь, пуская от страха ветры и проклиная Нергала, подбившего их на эту ночную вылазку. Конан был доволен – его добычей

стали пара хороших кинжалов да горсть монет, найденных в поясах обезглавленных разбойников.

Однако, когда караван пересек границу Заморы, киммериец проверил колчан со стрелами и, вынув из мешка три метательных ножа, сунул их себе за пояс, приготовившись к более серьезным сражениям. Остальные караванщики тоже были начеку – они хорошо знали, что эти места наводнены бандами головорезов.

Впрочем, пока все было на удивление спокойно. Когда караван вступил в Замору, солнце лишь едва показалось над горизонтом, а теперь оно стояло в зените, обрушивая на путников беспощадную жару, но никаких грабителей не было видно. К вечеру караван должен был добраться до Аренджуна. Конан невольно усмехнулся, вспомнив о своих приключениях в этом гостеприимном городе. Когда-то он здесь славно повеселился, пропивая за ночь в кабаке целое состояние, отобранное у какого-нибудь ротозея из числа нобилей, торговцев или ювелиров, так и не научившихся как следует охранять свои богатства. Но однажды, чуть не попавшись в лапы стражникам в Шадизаре и чудом избежав тюрьмы, Конан покинул Замору. Изрядно побродив по Коринфии, Офиру и Кофу, киммериец подался в Шем, где дочь знатного вельможи из Эрука подарила ему немало восхитительных ночей. Не на шутку увлекшись красавицей, Конансыпал ее дорогими подарками, для чего ему постоянно приходилось совершать налеты на местных богачей. Вот тут-то случай и свел его с торговцем, который нанял киммерийца сопровождать караван в Замору.

Конан ни за что не согласился на подобное предложение – он терпеть не мог длинные переходы, да еще медленным верблюжьим шагом, и зверел от скуки, глядя на кольышущиеся горбы животных. К тому же сама роль охранника была северянину совсем не по нутру – сколько раз он сам грабил такие караваны, и теперь он запросто мог столкнуться с кем-нибудь из бывших товарищей.

Но отказаться Конан не мог, потому что торговец этот поступил великодушно – он спас киммерийца от тюрьмы, когда ночная стража застукала его на месте преступления. Перелезая через стену, чтобы поживиться в богатом доме, Конан запутался в хитроумно расставленной сети, точно в паутине гигантского паука, и беспомощно брахтался, не в силах дотянуться до висевшего у него за поясом кинжала.

Подоспела стража, и киммерийцу, извергвшему проклятия Нергалу, пришлось бы худо, если б не хозяин дома. Он появился у ограды с факелом в руках и отоспал стражу. Ничего не понимающие охранники топтались на

месте, соображая, что все это значит, но купец заверил их, что Конан – слуга, выполняющий его поручение. Потом он помог киммерийцу выбраться из сети и повел к себе в дом. Усадив гостя на мягкие подушки, купец наполнил кубки ароматным аргосским вином, и с улыбкой протянул один из них Конану.

Испытывая поначалу новое и непривычное чувство смущения, киммериец залпом осушил кубок, но, видя, что ему ничего не грозит, обрел прежнюю уверенность. А хозяин, не скучая наливая вино, завел разговор. Оказалось, что Бешмет – так его звали – и сам в прошлом частенько промышлял воровством, грабежами и мошенничеством, сколотил состояние, взял в жены дочь богатого торговца и зажил, как примерный и всеми уважаемый гражданин славного города Эрука.

– Когда я увидел тебя в сетке, – говорил он, потягивая вино из своего кубка, – сразу вспомнил молодость. Знаешь, я до сих пор терпеть не могу стражников, вот и решил вызволить тебя из беды.

Темнокожая рабыня принесла еще два кувшина и блюдо с жареной бараниной. Последнее время у Конана было туго с деньгами, соскучившись по сытной еде и выпивке, он уже безо всякого стеснения впился зубами в мясо, не забывая обильно заливать его превосходным янтарным напитком.

Бешмет поглядывал на киммерийца одобрительно – синеглазый гигант ему явно нравился. Разгоряченные вином, оба до зари вспоминали свои похождения и приключения, не упуская возможности для большего впечатления привратить самую малость.

Когда же поздний ужин подошел к концу и Конан чувствовал себя вполне насытившимся и довольным, хозяин наконец приступил к делу.

– Мне нужен надежный человек, который мог бы отправиться с моим караваном в Аренджун и взять на себя его охрану, – сказал он, не сводя пытливых глаз с киммерийца.

«Только-то! – подумал Конан. Он давно сообразил, что гостеприимный Бешмет не зря потчует незваного гостя отборными яствами и дорогим вином. Киммериец был готов к любым неожиданностям, но это предложение разочаровало его. – Тех нескольких монет, что я получу за это ползание по пустыне, мне не хватит даже на одну ночь в приличном трактире! Неужели у этого пройдохи не найдется для меня дела поинтереснее?»

– Не буду скрывать, друг мой, что это не простой караван, и мне очень нужно, чтобы он благополучно добрался до Аренджуна, – неспешно продолжал Бешмет. – В тюках будет овечья шерсть и бычьи шкуры, но главная ценность не в этом. В один из тюков я спрячу шкатулку, в которой

находится очень дорогая для меня вещь. Для грабителей она не представляет никакого интереса, но если они нападут на караван, то наверняка прихватят ее с собой, а мне бы этого очень не хотелось. Это семейная реликвия, знак нашего рода, и она не должна попасть в чужие руки. Боги наказали меня за прежние грехи, не дав мне детей, но в Аренджуне живет мой любимый племянник Корхас. Отныне он должен хранить эту реликвию. Дела не позволяют мне отправиться туда самому, а он собирается жениться, вот я и решил сделать ему подарок к свадьбе.

«Врешь ты все, старый плут,- подумал Конан, осущая очередной кубок.- Сказал бы прямо, что хочешь переправить контрабанду! Ты кому заливаешь про любимых племянников и семейные реликвии? Ну да ладно, поеду,- решил киммериец.- Докопаюсь я до твоей шкатулки и с удовольствием посмотрю, что там внутри!»

– Далековато забрался твой племянник,- пробурчал Конан, вытирая рот ладонью. – Кром знает, когда я доберусь до Аренджуна, да и появляться мне в тех краях пока рановато – кое-кто там давно точит зубы, поджиная меня. У тебя что, нет своей охраны?

– Охрана есть,- нетерпеливо мотнул головой Бешмет.- Но я же тебе говорю, в грузе будет спрятана ценная вещь, и ни в коем случае нельзя допустить, чтоб она пропала. Мои охранники – люди надежные, но я все равно им не доверяю. А сегодня, увидев тебя, я сразу понял, что, если караван будешь охранять ты, мне нечего бояться.

– С чего вдруг такое доверие? – прищурился Конан.- Ты же хорошо знаешь, что я не упущу того, что само идет мне в руки. Не боишься, что мне понравится твоя шкатулка?

Уверяю тебя, она совсем не ценная,- поспешил замахал руками Бешмет.- Тебе от нее не будет никакого проку. А вот заплачу я тебе за работу хорошо.

– И сколько же?

– Пять золотых за каждый день пути, – с гордостью проговорил Бешмет.- Кроме того, тебя вознаградит и мой племянник. Караван вернется назад, а ты можешь оставаться в его доме сколько захочешь – будешь вволю есть и пить, а он найдет тебе какое-нибудь прибыльное дело. Не пожалеешь!

– Десять монет за каждый день пути, тогда я согласен, – отрезал Конан, решив поторговаться.- Не забудь, что в Заморе полно грабителей, за каждой горкой ждут путников, так что я из-за твоей реликвии своей головой рисковую.

– Ладно,- вздохнув, согласился Бешмет.- Пусть будет десять. Тебе

повезло, парень, я еще никогда не платил охранникам столько. Но ты мне нравишься, и я хочу, чтоб ты работал на меня с удовольствием. Думаю, мы и впредь пригодимся друг другу-

«Этот ослиный хвост врет. Что у него па уме непонятно, но я все равно докупаюсь до правды, – думал Конан, вновь наполняя кубок.- В конце концов, Нергал с ней, с этой реликвией! Я получу свои деньги, а заодно повеселюсь в Аренджуне. Там, наверное, ужо по мне соскучились... И все же что это за штука, ради которой я буду рисковать жизнью?»

– А где эта реликвия? Можно хоть посмотреть на нее? – как можно более равнодушно осведомился киммериец.

– Не обижайся, друг мой, но ее никто не должен видеть,- покачал головой Бешмет.- Она будет надежно спрятана, и прошу тебя, не ищи ее. Я понимаю, ты молод и любопытен, но послушай старика: тебе выпала большая удача, что ты встретился со мной, а в доме моего племянника ты найдешь все, что тебе нужно, так что не руби сук, на котором сидишь.

Его слова только подогрели любопытство Конана.

– Хорошо,- сказал он.- Договорились. Когда ехать?

– Все уже готово,- обрадовался Бешмет.- Можно хоть завтра на рассвете.

Выспавшись на роскошной мягкой кровати, Конан поднялся с первыми лучами солнца и, плотно позавтракав, вышел во двор, где шли последние приготовления к отправке каравана. К нему сразу же подскочил охранник – свирепого вида парень, вооруженный до зубов.

– Ну, готов?- мрачно спросил он, неприязненно рассматривая киммерийца.- Если ты и в дороге будешь таким неторопливым, то мы недалеко уедем.

Конан промолчал, решив не наживать себе врагов раньше времени, да и настроение у него было такое, что разговаривать ни с кем не хотелось. Он грустил о красавице Дамире, с которой не успел даже проститься, и вот теперь расстается, Нергал знает насколько – может быть, навсегда...

В пути Конан тоже старался ни с кем не ссориться и вообще не привлекать к себе внимания. На первой же стоянке, надумав прощупать тюки, киммериец понял, что затея это пустая,- охранники и караванщики не спускали друг с друга глаз. Наверняка, с каждым из них Бешмет поговорил отдельно, а может быть, велел им следить именно за киммерийцем.

Конан решил даже не пытаться найти шкатулку в дороге. «В доме племянника будет намного легче ее найти,- думал он.- Если это

действительно реликвия, то ее поставят на видное место. А если что-нибудь другое... Ладно, все равно найду!»

И вот караван уже приближался к Аренджуну. Верблюды неторопливо вышагивали по узкой извилистой тропинке, вьющейся между зелеными холмами. Благословенный глаз Митры освещал каждый кустик, за которым могли притаиться разбойники. Все вокруг по-прежнему казалось спокойным, но Конан знал, что эта тишина обманчива.

Сколько раз он сам прятался на этих холмах, подстерегая очередной караван,- место для засады было самым подходящим. Вот и теперь он нисколько не удивился, увидев, как ближайшие кусты едва заметно зашевелились. Киммериец оставался спокойным – в этих местах его знала каждая собака, к тому же те, кто собирался напасть на караван, и представить себе не могли, что самый известный разбойник охраняет их долгожданную добычу.

Как только верблюды приблизились к кустам, оттуда вылетело несколько стрел, одна из них просвистела у самого уха Конана, две других ранили охранников. Выругавшись, киммериец вскинул лук и выстрелил. В зарослях кто-то жалобно хрюкнул.

Конан один за другим метнул в кусты два ножа и приготовился кинуть третий, но его остановил громкий крик:

– Стой! – И в следующее мгновение из кустов показалась плешивая макушка Кушара, давнишнего приятеля Конана по воровским набегам и лихим попойкам.- Век мне пить прокисшую мочу Нергала, если это не Конан-киммериец! Эй, не стреляй, давай уладим дело миром!

– Нет у меня с тобой никаких дел, старая задница! – рявкнул Конан, продолжая держать в руке нож, готовый для броска.- Ты что, раньше не мог разглядеть, в кого стреляешь? Твои шакалы ранили моих людей!

– Баш на баш,- отозвался Кушар и поднял руки, показывая, что он безоружен.- Твои люди ранили моих, а ты лично ухлопал моего дружка. Впрочем, я прощаю тебе их – этого дерьяма в любом кабаке Аренджуна навалом.

Охранники продолжали держать луки наготове, вопросительно поглядывая на Конана. Сунув нож за пояс, киммериец сделал им знак опустить оружие. Они молча повиновались – после ночного сражения с грабителями Конан стал их негласным вожаком.

Кушар выволок из кустов старого облезлого осла и, взгромоздившись на него, подъехал к северянину.

– Где тебя демоны носили все это время? – беззаботно спросил он.- Давненько я тебя не видел в Заморе, киммериец. Никак ты решил поменять

вольные хлеба на хозяйские харчи?

– Не твоего ума дела, плешивая обезьяна,- огрызнулся Конан.- Лучше расскажи, что нового в Аренджуне.

Кушар хитро прищурился.

– Да разное болтают,- глубокомысленно протянул он.- По правде говоря, я и сам хотел бы разузнать все получше, но пока я не могу туда въехать ни на белом коне, ни на этом поганом ишаке. Вот, если бы ты взял меня с собой, я бы проскочил через ворота под видом караванщика и тогда... Не волнуйся я в долгую не останусь,- поспешно добавил он, видя, что Конан не торопится с ответом.- Ты же знаешь, Кушар добро не забывает.

– А как же твоя шайка? – спросил Конан.- Как ты собираешься притащить ее в город?

– Да нет, что ты! – усмехнулся Кушар.- Я им скажу, чтобы ждали меня в нашем логове. Да и потом, я же говорил, что такого дерьяма...

– Ладно,- остановил его Конан, которому хотелось поскорее добраться до города.- Нергал с тобой. Догоняй нас.

* * *

В огромном, поражающем своей роскошью доме племянника Бешмета Корхаса вовсю шла подготовка к торжествам. Гости уже съехались, и хотя до свадьбы оставалось еще три дня, пировать начали заранее. В доме нашлось место и для балагана лицедеев, прибывших для увеселения гостей. Но, якобы устав с дороги, шуты и фокусники тут же предались безудержному пьянству, и гости развлекали себя сами.

Узнав о прибытии каравана, хозяин дома вышел на крыльцо, и к нему тотчас подскочил тот самый свирепый охранник, что пытался затеять ссору с Конаном в доме Бешмета, звали его Ульсар. За все время пути они не перекинулись ни словом, но киммериец нередко ловил на себе его пристальный настороженный взгляд. Шепнув что-то племяннику Бешмета, Ульсар вытащил из-за пазухи свиток и отдал ему. Тот развернул пергамент и принялся читать, а затем взглянул на Конана, стоявшего неподалеку и, расплывшись в улыбке, приветственно помахал ему рукой.

Киммериец подошел ближе и остановился, выжиная.

– Приветствуя тебя, храбрый воин! – Хозяин дружелюбно похлопал

Конана по плечу.- Я уже кое-что слышал о твоих подвигах, потом ты мне расскажешь подробнее. А сейчас умойся и проходи в дом. Я буду рад принять у себя такого гостя.

Он вновь повернулся к Ульсару, а Конан устало побрел в дальний угол, где, гогоча и отфыркиваясь, уже обливались холодной водой охранники. Вылив на себя несколько ведер, киммериец присел на скамью в тени деревьев и, с интересом разглядывая огромный, со множеством построек, двор, прикидывал, что же ему делать дальше.

Верблюдов разгрузили, тюки сложили в сарай и заперли на крепкий замок. Конан уже давно догадался, что шкатулки там и в помине не было. Но тогда где же она? Ульсар передал хозяину письмо – ясно, что в нем говорилось и о киммерийце,- но никакой шкатулки Конан у него в руках не видел.

– Эй, киммериец! – прервал его размышления голос хозяина.- Рано спать! Отдохнешь за столом!

Конан поднял голову, племянник Бешмета стоял посреди двора и махал ему рукой. Понимавший, что умирает с голода, киммериец вскочил на ноги и быстрым шагом направился к дому.

В большой, увешанной коврами зале, куда хозяин привел Конана, стоял большой овальный стол и мягкие диваны, на которых возлежали полупьяные гости, проворно запускавшие свои ненасытные пальцы в блюда с разнообразными яствами. Появление могучего варвара было встречено с интересом, который, впрочем, угас, как только красивые смуглые-рабыни внесли в залу серебряные подносы с новыми кушаньями и напитками.

Хозяин усадил Конана за стол, сел рядом и, взяв в руки бокал, провозгласил тост за нового гостя – доблестного и храброго воина, спасшего караван от грабителей. Гости опасливо покосились на киммерийца, но тем не менее выпили охотно. Осушив два кубка подряд, Конан набросился на еду, поглощая все, до чего можно было дотянуться. Насытившись, он откинулся на мягкую спинку дивана и принял с интересом разглядывать сидевших за столом.

По всему было видно, что племянник дяде под стать – его хитрой физиономии с трудом удавалось выражение благочестия. Да и гости, несомненно, были из числа его дружков по разбоям и грабежам. Похоже, остепенились они совсем недавно и еще не успели утратить прежних привычек – над столом густым облаком витали скабрезные шуточки и крепкая брань. Было тут и несколько девиц, они то и дело повизгивали, когда чья-нибудь грубая мужская рука слишком нескромно проникала в

складки их одеяний. Которая из них была невестой, Конан определить не смог,- скорее всего, ее тут и не было.

– Почему никто не пьет? – раздался вдруг мощный рык Корхаса. Вопрос был совершенно напрасным – гости налегали на вино, как запаленные кони, дорвавшиеся до водопоя,- но Корхасу, видимо, просто нравилось так шутить.- Вино живет дольше, чем жалкие людишки, может быть, оно даже вечно. Стало быть, в нем заключена вечная жизнь, и его надо пить как можно больше!

Гости весело рассмеялись, спорить с хозяином им не хотелось, и они дружно наполнили кубки.

– Вино вину рознь,- неожиданно подал голос тощий юнец в каком-то странном наряде со свисающей там и сям бахромой.- В хорошем вине, может, и жизнь. А вот я однажды выпил такого, что меня чуть наизнанку не вывернуло!

Гости вновь рассмеялись.

– Ты, молокосос, просто пить не умеешь,- усмехнулся плечистый верзила, ковыряя в зубах серебряной зубочисткой.- Так что, если соберешься снова показать нам свои кишечки, то лучше заранее выйди во двор.

– Сам иди, Нергалово отродье! – обидевшись, крикнул юнец и покраснел.- Это ты, вонючий боров, пить не умеешь, а я, если хочешь, на спор перепью любого!

– Нет уж, не надо! – давясь от смеха, воскликнул хозяин.- Что я потом с тобой, вывороченным наизнанку, буду делать? Я ведь не лекарь, чтобы собирать твою требуху и в нужном порядке запихивать тебе в пасть!

Юнец побагровел, но сдержался, не решаясь затевать перебранку с хозяином дома. Метнув злобный взгляд на обладателя серебряной зубочистки, он залпом осушил свой кубок и, гордо выпятив подбородок, уставился в замысловатый рисунок ковра, висевшего на стене.

Корхас же, вновь призвав всех налечь на вино, неожиданно выскоцил из-за стола и стремительно бросился к двери. Конан удивленно посмотрел ему вслед и решил, на всякий случай, проверить на месте ли его кинжал. Бросив взгляд на гостей, киммериец увидел, что они тоже ничего не понимают. Он собрался было встать из-за стола и посмотреть, что там произошло, но тут Корхас вернулся и с блаженной улыбкой влил себе в глотку очередную порцию вина.

– Живот прихватило,- охотно пояснил он притихшим гостям.- Да так, что думал – не добегу! Если у кого тоже в брюхе волнение намечается, так не стесняйтесь – эка невидаль! Во дворе места всем хватит. Удерживаться

от этого дела не стоит – видит Митра, нет муки хуже!

– Это точно! – радостно подхватил тему розовощекий крепыш.- Вот мне однажды пришлось терпеть на приеме у самого немедийского короля – выйти-то нельзя, а прием все никак не кончался. Так я весь пятнами пошел. А уж какие ветры при этом пускал – придворные дамы в обморок падали!

– Что ты врешь, воронья падаль! – неожиданно рявкнул дюжий детина с окладистой всклокоченной бородой, сидевший рядом с Конаном.- С каких это пор тебя, бородавку на заднице Нергала, стали пускать в королевский дворец? Небось пережрал в каком-нибудь кабаке и пускал свои ветры в нос местным шлюхам! То-то они, должно быть, потешались!

– Ах ты, волосатая репа! – задохнувшись от возмущения, заорал розовощекий.- Если тебя никогда дальше отхожего места не пускали, то не меряй по себе других! Да я с тобой и там рядом бы сидеть не стал, тем более тут, за одним столом! – С этими словами он вскочил, выхватив из-за пояса кинжал.

Рывком поднявшись на ноги, «волосатая репа» тоже вытащил кинжал, и неизвестно, чем бы все закончилось, если б хозяин миролюбиво не произнес:

– Ладно-ладно, успокойтесь! Для того, что ли, мы тут собирались, чтобы посмотреть, как вы пускаете друг другу кровь? Мы веселиться хотим! И пить вино! Что это опять никто не пьет? – повернулся Корхас к остальным гостям.- Обидеть меня хотите?

Гости загалдели и вновь потянулись к своим кубкам. Смотреть на кровопускание и в самом деле никому не хотелось. Забияки, тяжело дыша и не отводя друг от друга многообещающих взглядов, неохотно сели на свои места и тоже принялись за вино.

Откинувшись на подушку, Конан с ухмылкой наблюдал за буйными гостями. Он был изрядно пьян, но все же мысль, которая появилась у него сразу, как только он попал в этот дом,- воспользовавшись пьяной кутерьмой, выбраться из-за стола, хорошенько обследовать дом, выяснить, что здесь плохо лежит, а если повезет, узнать, что это за шкатулка,- не покидала его.

Но время шло, киммериец поглощал кубок за кубком, блюдо за блюдом, и желание подниматься из-за стола и куда-то тащиться постепенно угасло.

«А, Нергал с этой вашей семейной реликвией,- лениво думал Конан.- Лучше постараться свести дружбу с этим племянником... как бишь его... Корхасом. Он пройдоха, каких мало, сразу видно. Может, он действительно

подыщет мне какое-нибудь стоящее дельце. А прихватить хозяйское добро я всегда успею!»

* * *

Проснувшись утром на широкой мягкой кровати, Конан с удивлением обнаружил рядом с собой одну из девиц, принимавших накануне вечером участие в пирушке. Он не помнил, как добрался ночью до кровати, и тем более, как затащил туда эту красотку.

– Эй,- Конан потряс мирно посапывающую девушку за плечо.- Ты как здесь оказалась?

Она открыла глаза и блаженно потянулась.

– Ты так пожирал меня за столом глазами, что я решила прийти к тебе ночью.

– И?

– Увы,- вздохнула девица, приподнимаясь на локтях.- Храпеть ты умеешь мощно, а вот нижняя часть твоего тела, как я ни старалась, будто семь раз умерла.

Конан побагровел.

– Я тебе сейчас покажу, маленькая врунья,- начал было он, но в этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошел уже изрядно подвыпивший хозяин.

– Все валяетесь? – хрипло спросил он, кинув плотоядный взгляд на обнаженную девицу.- Пора уже и за дело приниматься, а то вино скинет! – И довольный своей шуткой Корхас захохотал.

Конан, у которого голова гудела, а во рту пересохло, не заставил себя долго упрашивать и мгновенно спрыгнул с кровати, тут же забыв про соблазнительницу.

Когда он вошел в залу, половина гостей уже восседала на своих местах, торопливо вливая вино в горящие глотки. Позевывая, почесываясь и бормоча себе что-то под нос, подтягивались и остальные. Рассевшись вокруг стола, они некоторое время сосредоточенно жевали и глотали, стараясь поскорее вернуть себе бодрость духа.

– А чего это Ахтуб и Мехад? Оторвать свои задницы от кроватей не могут? – раздался вдруг среди чавканья чей-то голос. – Видать, вчера так нализались, что теперь будут дрыхнуть до вечера!

– И этот, как его там... Керд! – добавил хозяин, оглядел стол.- Наверное, до сих пор продолжает разбрасывать свои внутренности.

Тут Конан заметил, что за столом не хватает троих – тощего юнца, которого вчера подняли на смех, и двух самых беспокойных гостей, едва не изрезавших друг друга кинжалами. «Да Нергал с ними,- подумал киммериец,- очухаются – приползут».

Постепенно за столом становилось все веселее и оживленнее. Раскрасневшийся толстяк, размахивая жирными руками с нанизанными на пальцы дорогими перстнями и не переставая жевать, рассказывал о каком-то своем очень богатом приятеле.

– Глаза у него, конечно, бесстыжие,- давился он, чавкая и икая.- Но зато денег! Столько успел наворовать, что хоть три века живи – все равно не успеешь растратить!

Конан навострил уши, стараясь уловить все, что было связано с неведомым ему денежным мешком, но из-за гула, царившего в зале, сделать это было довольно трудно.

– Он такие пиры закатывает,- продолжал толстяк, влив в себя очередной кубок.- Не поверите, пока сами не увидите! Вина, к примеру, мимо глоток льют столько, что вам и не снилось,- у любого из вас в погребе меньше хранится. А потом еще и одаривает каждого гостя, да так, что насилиу все домой приволочешь!

– Брехня все это,- насмешливо перебил толстяка долговязый смуглолицый гость.- Ты по своему наглому обыкновению вечно несешь всякие небылицы, Нергал знает, откуда ты их берешь. Про себя-то небось нечего рассказать, вот и хвастаешь какими-то выдуманными друзьями. Я вот, например, могу сказать про себя: у меня денег – что у табуна коней волос в хвостах.

Выпучив осоловевшие глаза, толстяк недоверчиво посмотрел на смуглолицего.

– Ну что уставился, как коза на горох? – презрительно ухмыльнулся тот.- Будто не знал? Да все это знают! Мне скрывать нечего! Я нажил свои богатства честным трудом...

– Ха-ха-ха! – громко рассмеялись сразу трое или четверо гостей, один из которых чуть не подавился петушиной ногой. Его сосед по столу начал так яростно колотить товарища по спине, что тот с размаху ткнулся лицом в блюдо с горячим красным соусом. Когда бедолага поднял голову, гости загоготали так, что на столе запрыгала посуда. Зрелище было действительно смешное, и Конан тоже оглушительно, до слез, расхохотался.

Когда гости, в изнеможении постанывая, затихли, вновь раздался голос Корхаса:

– Просто в балаган ходить не надо! А кстати, где эти поганые шуты, которых наняли развлекать нас? Мерзкие шпагоглотатели,- пьют небось, не просыхая! Пропивают мое добро, спускают мои денежки. Напрасно я заплатил им вперед! Эй, ты! – крикнул он слуге, подпиравшему стену у двери.-Пойди-ка приведи их сюда, пусть покажут, что умеют!

Слуга вскоре вернулся, пинками гоня перед собой упиравшегося карлика.

– Только один оказался на месте, мой господин.- Он с презрением оглядел карлика с головы до ног и ни с того ни с сего закатил ему звонкую оплеуху.- Остальные, должно быть, уже с утра в кабаке.

Завопив, словно его убивают, карлик неожиданно бросился на слугу и вцепился зубами ему в ногу. Теперь слуге пришла очередь орать. Гости вновь заржали, но тут хозяин, нахмутившись, стукнул кулаком по столу.

– А ну-ка хватит! Не дадут посидеть спокойно! То один затеет драку, то другой! Что я – нанялся вас разнимать? Пусть тот, кто не умеет вести себя в приличном доме, катится в задницу к Нергалу! Я никого не держу! И ты катись отсюда! – повернулся он к карлику, который наконец разжал зубы, оставив в покое ногу всхлипывающего слуги.

Гости притихли, удивленно глядя на внезапно разъярившегося хозяина.

– Я есть хочу,- в наступившей тишине вдруг отчетливо произнес карлик.

– Что? – изумился Корхас.

– Я хочу есть,- повторил карлик, спокойно глядя ему в глаза.- Они пошли в кабак, а меня не взяли. Меня никогда с собой не берут.

– Это почему же? – спросил вмиг остывший хозяин.

– Потому что они дураки и болваны. Ослиные головы! Потому что знают, что я умнее их всех, вот и злятся.

– Ишь ты! – покачал головой Корхас, разглядывая маленького человечка.- Ну что ж, раз так, садись к столу, пользуйся моей добротой. А если ты такой умный, может, расскажешь что-нибудь этакое?

– Сначала поем,- спокойно ответил карлик, обходя стол в поисках свободного места.

Конан встретился с ним глазами и поманил к себе. Место рядом с киммерийцем было свободно – бородатый детина, сидевший тут вчера, видно, все еще отсыпался.

Карлик неторопливо подошел к Конану и залез на диван, деловито

подложив себе под тощий зад насколько подушек, чтобы возвышаться над столом не хуже остальных. Уверенно придинув к себе огромное блюдо с жареным мясом, он начал с невероятной скоростью поглощать кусок за куском.

«Интересно, сколько же в него влезет?» – подумал Конан, не в силах оторвать изумленного взгляда от своего маленького соседа.

Все гости замерли и, перестав жевать, чавкать и булькать, уставились на карлика, которого, казалось, никак не смущало всеобщее внимание. Когда блюдо опустело, он аккуратно вытер салфеткой рот, залпом осушил кубок и сразу налил себе еще, а затем еще и еще раз. Выпив последнюю порцию, карлик приподнялся и подвинул к себе блюдо, на котором громоздилась гора жареной дичи, и вновь заработал челюстями.

Выйдя из оцепенения, гости зашептались, затем загадали, обсуждая невероятный аппетит внезапно попавшего в их компанию сотрапезника.

– Ну что, теперь расскажешь нам что-нибудь? – подал голос Корхас, словно очнувшись от наваждения.

– Я еще не поел, – отозвался карлик, отодвигая пустое блюдо и шаря глазами по столу в поисках следующего.

Конан достал с середины стола блюдо с фаршированными утками и поставил его перед соседом. Тот критически скользнул по нему взглядом и задумчиво процелил:

– Я бы предпочел сначала свиные отбивные, а уж потом утки. После говяжьих почек в молочном соусе.

Кто-то из гостей торопливо придинул ему требуемые блюда, и вновь с неослабевающим вниманием все стали наблюдать, как ловко карлик с ними расправляется.

Ждать пришлось недолго. Доев последний кусок, малыш вновь наполнил свой кубок и осушил его одним глотком. Взяв в руки кувшин, он заметил, что тот пуст, и потянулся к другому, в котором тоже не было ни капли. Нахмутившись, карлик покачал головой, выразительно пощелкал по кувшину пальцами и укоризненно взглянул на хозяина, который, отчего-то покраснев, вдруг засуетился и замахал слугам, чтоб поскорее несли еще вина.

Но карлик теперь даже не взглянул на мигом принесенные кувшины. Непредсказуемость хозяина, похоже, сильно обидела малыша, и он, скользнув презрительным взглядом по не съеденным еще кушаньям, вынул из-за пояса длинный узкий нож и принялся ковырять им в зубах.

– Ну ладно, хоть немного заморил червячка, – задумчиво пробормотал он. – Теперь, пожалуй, стоит слегка вздрогнуть.

С этими словами он откинулся на спинку дивана и мгновенно уснул. Гости вновь возбужденно зашумели – на этот раз в их возгласах слышалось откровенное восхищение.

– Вот это фокус! – радостно потирая руки, воскликнул Корхас. – Не то что какие-то дрянные шпагоглотатели! Этот может целого слона проглотить, да ему еще и мало покажется! Подумать только – эта козявка, а вмиг сожрал столько, сколько десять голодных рабов жевали бы до вечера! Клянусь Митрой, я оставлю этого парня у себя и буду показывать за деньги! Он принесет мне целое состояние!

– Да он сожрет у тебя целое состояние! – выкрикнул смуглолицый, задумчиво глядя на карлика.- Отдай его лучше мне, а не то быстро разоришься. Я-то не буду его баловать, а вот применение ему найду подходящее.

– Ну уж дудки! – замотал головой хозяин.- Такое чудо я никому не отдам. Он мой!

«Как бы не так! – подумал Конан, взглянув на невозмутимо храпевшего карлика.- Дурак ты, Корхас, если думаешь, что он согласится зарабатывать тебе деньги. У этого малыша не такой характер, он никому не будет подчиняться. А вот мы с ним явно поладим».

Конан взял в руки кубок и, медленно попивая вино, принялся размышлять о том, что надо бы выбрать момент и поговорить с карликом, рассказать ему о таинственной шкатулке и постараться убедить его принять участие в этом деле. Маленький, ловкий, способный пролезть в любую щель, к тому же явно смелый и хладнокровный, карлик мог бы стать незаменимым напарником Конану.

Еще раз взглянув на спящего малыша, киммериец увидел, что тот совсем молод,- должно быть, его ровесник. У него было тонкое красивое лицо, совершенно не похожее на те, которыми обычно одаривает природа. Лишь неестественно короткое тело – будто его долго вдавливали в землю, не давая расти,- говорило о том, что малыш, видно, перенес тяжелую болезнь или травму.

«Главное, что у него с головой все в порядке,- подумал Конан,- А то, что он не стар, как раз очень хорошо. Значит, так же любознательен, как и я».

Между тем вечерний мрак опустился на землю, а гости так и сидели за столом, лишь ненадолго выползая во двор по нужде. На карлика ужо никто не обращал внимания, текли прежние разговоры, к которым Конан лениво прислушивался, не принимал участия, он не хотел привлекать к себе внимания. Киммериец даже успел немного вздрогнуть, и вот теперь,

проснувшись и с хрустом разминая затекшие члены, решил, что пора действовать.

Посмотрев на карлика и обнаружив, что тот по-прежнему спит без задних ног, Конан выбрался из-за стола – там уже начиналась очередная перебранка – и нетерпеливо направился во двор. Обойдя его со всех сторон и не найдя ничего интересного, он вернулся в дом, но направился не в залу, а свернул в коридор, который заканчивался лестницей, ведущей на второй этаж, к комнатам гостей.

Наверху было тихо. Конан, затаив дыхание, крался мимо спален и вдруг наткнулся на приоткрытую дверь. Он остановился и, оглянувшись, потянул массивную бронзовую ручку.

Полоса света от горевшего в коридоре факела упала в темную комнату и осветила лежащего на ковре человека. Конан проскользнул в комнату и склонился над телом. Оно лежало в какой-то зловонной луже. Стараясь не вдыхать мерзкий запах, киммериец перевернул беднягу на спину и невольно отшатнулся, увидев посиневшее, распухшее лицо, вылезшие из орбит глаза и вывалившийся изо рта багровый язык.

«Кром, это же тот юнец, который рассказывал, как однажды чуть не вывернулся наизнанку, перебрав за ужином,- подумал Конан.- Как же его... Керд! Похоже, на сей раз ему действительно удалось это сделать».

Наклонившись ниже, киммериец понял, что Керд лежал в том, что выпростал из своего желудка.

Бесшумно выйдя в коридор, Конан подошел к следующей двери. Открыв ее и убедившись, что в комнате пусто, он направился дальше. На очереди была спальня, в которой Конан провел предыдущую ночь,- там тоже никого не было. Девица, которую киммериец обнаружил утром в своей постели, бесследно исчезла.

Распахнув следующую дверь, Конан увидел посреди комнаты два полураздетых трупа. Их переворачивать не пришлось – Ахтуб и Мехад лежали на спине, у каждого из груди торчал кинжал.

«Вот и доспорились, болваны», - подумал Конан и поспешил дальше.

Внезапно снизу раздался шум, кто-то громко топал по лестнице. Спрятавшись за углом коридора, Конан затаил дыхание и прислушался.

– Сейчас мы сдернем их с кроватей! – грохотал хозяин.- Ишь, хитрые какие! Мы тут мучаемся, давимся вином, чтобы утром встать с большой головой, а они спокойно дрыхнут! А ведь завтра, подлецы, будут задирать нос, святош из себя строить! Не выйдет! Сейчас мы их притащим вниз и заставим наверстать все, от чего они так позорно уклонились!

Сопровождавшая Корхаса толпа гостей одобрительно зашумела. Судя

по всему, все они дружно встали из-за стола, исполненные справедливого негодования к предателям, покинувшим ряды мучеников и отлежающимся на мягких кроватях.

Конан услышал, как хозяин вошел в спальню. Гости, толкаясь и шумя, ввалились за ним. Самое время присоединиться к ним! В два прыжка киммериец оказался у двери – и тут гудение пьяной толпы стихло, гости замерли, с недоумением и ужасом уставившись на труп Керда.

Растерянно озираясь по сторонам, Корхас медленно подошел к юноше и наклонился.

– Керд... – позвал было он, но, поняв, что тот уже больше никогда не откликнется, резко выпрямился и обернулся к гостям: – Как же это он так? Неужели так сильно перебрал вчера? Говорили же ему, не пей, раз не умеешь, а он, дурак, не послушался старших... нализался... и вот...

Корхас горестно вздохнул, пожал плечами и шагнул к двери. Вмиг протрезвевшие гости последовали за ним, уже не толкаясь и не произнося ни звука. Выйдя в коридор, они уставились на Корхаса, словно предчувствуя, что их ждет дальше.

– Идемте к Ахтубу, – ни на кого не глядя, глухо проговорил хозяин. – Не нравится мне все это. Ох, не нравится.

Процессия молча двинулись по коридору. На Конана, который шел позади всех, никто не обратил внимания.

Распахнув дверь комнаты Ахтуба, Корхас решительно шагнул внутрь, но тотчас вернулся.

– Там никого нет, – пояснил он напуганным гостям. – Ничего не понимаю. Ладно, пошли к Мехаду.

Приоткрыв следующую дверь, Корхас просунул в щель голову и, вздрогнув всем телом, попятился.

– Они там, – прошептал он, дико озираясь.

– И... что они там делают? – с трудом шевеля жирными губами, спросил толстяк, стоявший ближе всех к двери.

– Пойди и посмотри! – злобно огрызнулся Корхас. Вместо прежнего добродушного весельчака перед гостями стоял грозный хозяин, глаза его метали громы и молнии. – Что вытворяют в моем доме, собачьи головы! Можете резать кого хотите на куски, можете жрать друг у друга печень, но только не здесь! У меня приличный дом, меня все уважают! Ко мне на свадьбу придет вся верхушка городских властей! А вы своими безобразиями хотите опозорить меня на всю Замору? Видит Митра, таких ублюдков я больше никогда не позову в свой дом!

– Да что там такое, Корхас? – с дрожью в голосе спросил толстяк и, не

дожидаясь ответа, просунул голову в дверь.- О, Митра...

Смуглолицый распахнул дверь и вошел в комнату, за ним потянулись и остальные. Постояв молча у распростертых на залитом кровью ковре тел, гости почесали макушки и гуськом вышли в коридор, где продолжал бушевать Корхас. Конан задержался в комнате чуть дольше всех. Приглядевшись повнимательнее к мертвым, он заметил нечто странное – оба были заколоты совершенно одинаково, ударом в сердце – никаких других царапин или порезов на них не было, следов драки тоже не наблюдалось. Создавалось впечатление, будто противники, подойдя друг к другу вплотную, спокойно закололи друг друга.

Или за них это сделал кто-то другой.

В мрачном молчании гости во главе с хозяином спустились вниз и уселись за стол. Есть уже никому не хотелось, а вот к вину тотчас со всех сторон потянулись нетерпеливые руки.

– Так вот, шелудивые псы,- сказал Корхас, опрокинув в себя кубок и вытерев рот ладонью.- Это дело я уж как-нибудь замну – не буду перед свадьбой шум поднимать. Но если кто-нибудь из вас опять затеет какую-нибудь пакость, всех вытолкаю в шею из моего дома и не посмотрю, что люди будут судачить – мол, Корхас гостей разогнал! Поняли, бесстыжие рожи?

Гости согласно закивали, не поднимая глаз от своих кубков. Некоторое время пили молча, но вот наконец кто-то потянулся к блюду с жареной дичью и аппетитно захрустел крыльышком куропатки. За ним и другие зачавкали и захрюкали. Вскоре пиршество уже шло своим чередом, будто ничего и не случилось.

Конан огляделся – где же карлик? Он совсем забыл о малыше, который еще совсем недавно мирно похрапывал рядом с ним на диване.

«Надо пойти поискать его у балаганщиков,- подумал Конан.- Лучше не откладывать наш разговор. В этом доме происходят странные вещи, и мне совсем не хочется задерживаться здесь надолго. А может, он воспользовался тем, что все ушли, и потихоньку прокрался в покой, где прячут ценности, да роется сейчас в них. Он большой хитрец, этот малыш!»

– А где шмакодявка? – спросил хозяин, заметив отсутствие карлика.- Не хватало еще, чтобы и этот клоп что-нибудь выкинул! Допустим, упал в отхожую яму да и утоп!

– Это, скорее, Турф свалится! – хмыкнул гость, лицо которого украшал кривой багровый шрам. Он туда бегает после каждого глотка, а остановится никак не может – пихает и пихает в свое жирное брюхо все

подряд, от жадности!

Все рассмеялись, а толстяк Турф побагровел, поперхнувшись куском бараньей ноги, выплюнул его на стол и заорал:

– Ты, кривая рожа! Лучше на себя посмотри! Пусть я часто хожу на двор – что в этом плохого? А вот ты этого не делаешь. Лень, видно, задницу от дивана оторвать – сидишь тут и воняешь, как десять отхожих ям!

Обладатель шрама перестал смеяться и, схватив со стола пустую тарелку, метнул ею в толстяка, попав тому прямо в лоб. Турф истошно завопил и, схватив в руки кувшин, собрался было запустить им в обидчика, но тут хозяин изо всей силы грохнул кулаком по столу.

– Опять? – зарычал он, поднимаясь с дивана.- Я же предупреждал вас, негодяи, что выгоню вон, если снова затеете свару! Но вижу, вы со мной не считаетесь! А раз так, убирайтесь к Нергалу в задницу, и немедленно!

– Прости, Корхас,- плаксиво залепетал Турф, виновато глядя на хозяина.- Он первый начал! Я сидел тихо, никого не трогал...- Вдруг толстяк покрылся красными пятнами, на лбу выступила испарина, лицо исказила страдальческая гримаса.

Но причиной тому было вовсе не чувство вины или страха перед разгневанным хозяином. С проворством, которого трудно было ожидать, толстяк Турф вскочил и рванулся к двери.

– Ну вот, что я говорил! – злорадно прошипел обидчик.- Жирный боров опять побежал икру метать!

Он с опаской покосился на Корхаса, но тот уже остыл и, с усмешкой глянув вслед толстяку, взял в руки кубок.

– Ладно, прощаю в последний раз.- Корхас выпил и печально вздохнул.- Ешьте, пейте, да помните мою доброту. Хотя зачем я это говорю? Такие ублюдки, как вы, добра не помнят. Бьешься тут, стараешься, а они потом ответят тебе ножом в спину!

Что-то в тоне Корхаса заставило Конана насторожиться. Может быть, хозяин догадался, что эти смерти не случайны. Если судить по тому, как безмятежно спокойны были лица Ахтуба и Мехада, их закололи, скорее всего, спящими. А Керд... Киммериец вспомнил его вылезшие из орбит глаза. Сомнений не было – Керда отправили.

Но до чего же ловко неведомый убийца все подгадал – все видели, как Ахтуб и Мехад хватались за кинжалы и, наверняка, никто не усомнился в том, что забияки вновь сцепились и прикончили друг друга. А Керд, которого выставили на посмешище, как желторотого юнца, не умеющего пить,- разве не убедительной выглядела его смерть от перепоя?

Но кто и зачем это сделал? Конан терялся в догадках, пристально вглядываясь в лица гостей.

— Я ведь вас всех прекрасно знаю, псы смердящие,- продолжал горестно изливать душу Корхас, для пущей убедительности всхлипывая и вытирая ладонью сухие глаза.- Сколько раз все вы подкладывали мне свинью, а я по доброте душевной прощал. Шакалы все вы поганые, все до единого шакалы!

Вдруг взгляд Корхаса упал на Конана. Перестав всхлипывать, он уставился на киммерийца, будто увидел его впервые. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, затем хозяин, тыча пальцем в сторону Конана, радостно воскликнул:

— Вот единственный из присутствующих здесь, кто, я уверен, не держит камня за пазухой! Мой дядя доверил Конану свой караван с ценным грузом, и он привел его сюда в целости и сохранности. А доверил бы он кому-нибудь из вас, так ни груза, ни верблюдов никогда бы не увидел! Вы, шакалы, только и ждете случая, чтобы запустить руки в чужое добро! А вот этот храбрец мало того что уберег дядино добро от разбойников, так еще и сам к нему не притронулся. А ведь мог!

«Еще как мог,- подумал Конан,- Да во захотел! На кой мне ваша овечья шерсть? Даже если в тюках была не только шерсть, но и драгоценности, здесь мне будет проще их найти, не то что посреди голой равнины, где разбойники только и ждут, как бы чем поживиться».

Гости перестали жевать и посмотрели на киммерийца. В их взглядах читалась откровенная неприязнь, но Конану было на это наплевать. Он испытывал лишь досаду оттого, что привлек всеобщее внимание. Теперь, по-видимому, будет намного сложнее осуществить свой план. Разве что удастся уговорить карлика...

— Корхас, ты же совсем не знаешь этого парня,- неожиданно сказал смуглолицый, с вызовом глядя на Конана.- Почему ты так уверен, что он не замышляет против тебя что-нибудь похлеще, чем спретъять тюки с овечьей шерстью? Ты только посмотри на эту разбойничью рожу! Я заметил, он все время молчит, а глазами так и зыркает. На твоем месте я бы был поосторожнее!

«Вот ублюдок,- усмехнулся про себя Конан.- Это тебе надо быть поосторожнее, как бы я не вырвал твой длинный язык!»

— Не волнуйся, Беркард,- сказал хозяин, продолжая с любовью смотреть на Конана. — Ты же знаешь, из лишней доверчивостью я никогда не страдал. И глупостью тоже. Дядя прислал мне письмо, в котором сказано, что этот северянин – человек надежный, и я могу доверять ему, как самому

себе.

«Врет ведь, ослиный хвост,- думал Конан.- Бешмет не мог такого написать – он ведь застукал меня в своем доме, и, скорее всего, Корхасу это известно. Видимо, дядя с племянничком что-то задумали, и я им зачем-то нужен. Надо быть начеку».

– Ладно, Корхас, я тебя предупредил,- сквозь зубы процедил смуглолицый,- пеняй потом на себя.

– Тебе-то что за забота, Беркад? – вскинулся хозяин.- Пекись лучше о своем добре! Сам якшаешься с разным ворьем, а меня учить вздумал!

Смуглый опустил глаза, не желая больше спорить, но тут в разговор вмешался обладатель багрового шрама:

– Пусть он сам о себе расскажет, а то и правда – молчит и молчит все время. Даже как-то не по себе. От такого громилы всего можно ожидать – стукнет где-нибудь в темном месте по башке, да и заберет все, что у меня есть.

– Неужели у тебя есть что-то ценнее, чем твой шрам? – усмехнулся Конан.- А по башке и я могу тебя стукнуть. Хоть сейчас, если будешь очень напрашиваться.

– То-то, Максуд,- назидательно произнес хозяин.- Как видишь, северянин – парень не промах, за себя постоять может. Так что не нарывайся!

Максуд побагровел от гнева так, что его шрам стал почти незаметен, но ничего не ответил. Отодвинув тарелку с недоеденной дичью, он молча встал и вышел из залы.

Между тем беседа за столом вернулась в нормальное русло. Гости решили не связываться с могучим киммерийцем, а заодно и не ссориться из-за него с хозяином. Потекли прежние хвастливые речи; то тут, то там стали раздаваться язвительные шуточки, все чаще хлопали двери – переевшие и перепившие гости непрерывно бегали во двор. О киммерийце как будто забыли, и он решил, воспользовавшись всеобщей неразберихой, незаметно исчезнуть.

Первым делом Конан надумал наведаться к балаганщикам и поискать там карлика. Он еще раньше приметил, где стоит пестрый фургон лицедеев, и теперь направился пряником к нему. Из фургона неслось нестройное пение – артисты пьяными голосами выводили какую-то разухабистую песню, отбивая ритм глиняными плошками. Конан подошел к двери сарай и осторожно приоткрыл ее. В мерцающем свете свечей, криво торчавших из глиняной посудины, он увидел шесть или семь красных рож, одна другой чище. По карлика среди них не было.

Конан собрался было уйти, как вдруг один певунов, под глазом у которого было украшение в виде огромного синяка, заметил незнакомца и, замахав рукой, заорал:

– Эй, кто бы ты ни был, заходи! Вино у тебя есть?

Поколебавшись, Конан шагнул внутрь, но остановился у порога. Лицедеи оборвали пение и выжидательно уставились на гостя.

– Ты что, змею проглотил? Тебя же спрашивают – вино есть? – гаркнул плечистый здоровяк с широкими кожаными браслетами на запястьях, по всей видимости – силач, показывающий публике, как надо рвать цепи или поднимать одной рукой коня вместе с седоком.

– Вина у меня нет,- ответил Конан, подойдя к столу. Придвинув стоявший у стены колченогий табурет, он сел, скрестив руки на груди.

– Так чего ты тогда сюда приперся? – писклявым голосом спросил размалеванный шут с огненно-рыжими лохматыми волосами. – Какого Нергала тебе тут надо, верблюжье вымя?

Смерив его взглядом, Конан неторопливо извлек из пояса две золотые монеты.

– Я вижу, ты щустрый малый,- сказал киммериец и кинул монеты на стол.- Ну-ка давай, покажи свою прыть!

Рыжий проворно сгреб монеты и стремглав бросился к двери. Остальные лицедеи заулыбались, одобрительно поглядывая на Конана.

– Вот это другой разговор! – воскликнул силач, протягивая киммерийцу огромную руку.- Сразу видно – хороший человек! А то скупердяй Корхас, рога Нергала ему в бок, приказал не давать нам больше вина, а на кабак денег уже не осталось. А разве можно жить без вина?

– Нельзя,- согласился Конан, озираясь по сторонам – где, в каком углу притаился карлик?

– Вот и я говорю! Ты, я вижу, человек неглупый,- продолжал силач.- А главное – порядочный. Непонятно только, что ты делаешь в этом воровском притоне?

– С чего ты взял, что это воровской притон? – спросил Конан.

– Нам пришлось немало поездить по свету, мы видели разных людей,- пожал плечами силач.- С первого взгляда понятно, что Корхас – прожженный мошенник, а может, и того хуже. В городе, знаешь ли, о нем разное поговаривают. Вот вчера в кабаке я узнал, что полгода назад здесь ограбили и убили государственного казначея. Сколько было похищено, не знаю, но догадываюсь, что денег взяли много.

– Ну и при чем тут Корхас? – спросил Конан, ощущая волнение, подобное тому, которое бывает у охотников на тигров.

– Да самое прямое,- усмехнулся силач.- Во всяком случае, так говорят. Корхас провожал казначея на постоянный двор и на них, якобы, напали грабители. Казначея убили, а Корхас, весь израненный приполз к правителью и доложил, что дрался, как лев, пролил свою кровь, но силы были неравные, и казну похитили. Не знаю почему, но ему поверили. Более того, ходят слухи, что именно он вскоре и займет место главного казначея. Он ведь метит в верхи, и ради этого ни перед чем не остановится. Кстати, ты знаешь, кто его невеста?

– Нет,- покачал головой Конан.- Я ее даже не видел.

– Вот именно,- кивнул силач.- Он держит ее под замком, а сам забавляется со шлюхами. Ему эта свадьба нужна только для того, чтобы породниться со знатным родом и...

– Так кто же его невеста? – перебил его Конан.- Ей-то какая радость от этой свадьбы?

Она дочь того самого главного казначея. Осталась сиротой, жить не на что, а Корхас стал вроде как ее покровителем, да к тому же убедил бедняжку, что бился за жизнь ее отца, пока не упал без сил, истекал кровью.

– Понятно,- задумчиво произнес Конан.- Я смотрю, ты хорошо осведомлен.

– В Аренджуне много любителей почесать языком. Болтливый город,- усмехнулся силач.- Я и сам тут таким стал. Раньше из меня, бывало, и слова не вытянешь. А теперь, видишь, сколько тебе всего нарассказывал! А может, ты дружок Корхаса и все ему сейчас доложишь? Да ладно, не волнуйся, я шучу – я же вижу, что ты не предатель. А в людях я хорошо разбираюсь.

– Может, ты и не приятель Корхаса,- вступил в разговор лицедей с фонарем под глазом.- Но все же не ответил, что ты делаешь в этом доме? Мы-то понятно – приехали сюда заработать денег, но, как видишь, с этим жадиной Корхасом не только не заработкаешь, так еще и без штанов останешься. Так как же ты попал к этим разбойникам?

– Я тоже приехал сюда заработать,- ответил Конан.- Но надеюсь уйти отсюда в штанах. И с деньгами.

– Вот как! – недоверчиво покачал головой силач.- А не боишься, что они тебя надуют? Тут ведь целая шайка собралась. Эти хитрые шакалы не постесняются обвести вокруг пальца самого Митру!

– Посмотрим,- усмехнулся Конан.

В этот момент дверь распахнулась, и в сарай ввалился запыхавшийся шут, с трудом удерживая в руках два огромных бурдюка с вином.

– Ну ладно, мне пора,- сказал Конан, поднимаясь.- Кстати, с вами ведь был еще один, такой маленький. Что-то его не видно.

– А Нергал знает, где он шатается. В кабак он с нами не ходит – говорит, там невкусно. Мы ему приносим что-нибудь пожрать и выпить, а он привередничает,- усаживаясь за стол, охотно присоединился к разговору рыжий.

– Это точно! – добавил силач и, вспомнив недавнюю обиду, захлопал глазами.- Вот, например, однажды я принес ему свежую лепешку, он ее обнюхал да как бросит мне прямо в морду! Жри, говорит, сам такое дермо! Представляешь? Ведет себя, будто принц какой-то!

Конан едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Молодец карлик! Оказывается, он еще врун, каких мало. Ну, что ж, это тоже неплохо!

– И давно он с вами? – спросил он.

– Да нет, совсем недавно,- ответил силач, разливая вино по глиняным плошкам.- Мы приехали в Аренджун, сам понимаешь, с дороги устали, так что первым делом пошли в кабак. Там познакомились с одним типом, его, вроде, Тамур звали. Он и рассказал нам, что в одном богатом доме намечается свадьба и можно неплохо подзаработать. В общем, сидим, болтаем, и вдруг подходит к нам этот карлик...

– Не подходит, а вылезает из-под стола,- уточнил рыжий.- Прямо как из-под земли.

– Ну, вылезает – какая разница! Подходит и говорит: возьмите меня с собой,- продолжал силач.- Я спрашиваю: а что ты умеешь? Он говорит – все! Ну, нам некогда было разбираться, кто он такой, мы и взяли его с собой.

– И что, он правда все умеет? – спросил Конан.

– Пока не знаем,- Силач опрокинул в себя плошку вина и крякнул от удовольствия.- Пришли к Корхасу, договорились о цене, теперь сидим, ждем, когда нас позовут.

– Он вас звал,- сказал Конан.- Но нашел только карлика.

– И что он показал?

– Да так, ничего особенного... Но всем понравилось.- Конан глотнул кислого вина, от которого уже успел отвыкнуть – пользуясь гостеприимством Корхаса, он пил только отборные выдержаные вина.

– Да нам он тоже нравится,- подал голос лицедей в костюме акробата.- Он хоть и задирает нос, но парень, кажется, неплохой.

– Понятно,- сказал Конан и, достав еще две монеты, положил на стол.- Это вам на утро, Поправить здоровье. А мне пора. Еще увидимся!

Под восхищенные возгласы новых знакомых киммериец вышел из

саая и, оглядевшись по сторонам, направился к фургону. Откинув полог, он сунул голову в темное нутро повозки и в тот же миг почувствовал, как чья-то рука схватила его за нос с такой силой, что из глаз искры посыпались.

– Кром! – грозно рявкнул Конан, пытаясь высвободить зажатый словно железной клешней нос. – Сейчас я...

Внезапно рука ослабила хватку. Отпрянув, Конан выхватил меч и перерубил веревку, на которой висел полог. Факел, укрепленный на ограждавшей дом стене, осветил внутренность фургона: устланный соломой пол, висевшие на перекладинах наряды лицедеев и сваленный в кучу реквизит.

Но ни одной живой души внутри не было. Конан залез в фургон и принялся перерывать мечом солому, потирая рукой пылающий нос.

– Ты что ищешь, приятель? – раздался вдруг голос откуда-то сверху.- Может, помочь?

Конан поднял голову и увидел знакомую физиономию карлика, выглядывавшего из тряпья. Когда он успел туда запрыгнуть, оставалось только гадать.

– Ты что, летать умеешь? – спросил Конан, засовывая меч в ножны.- Забрался туда от страха, что я оторву ручонки, которые хватают чужие носы?

– Только те, которые суются, куда не надо,- спокойно ответил карлик, спрыгивая на солому.- А как бы ты поступил на моем месте, Конан-киммериец, если б увидел, что чья-то, Нергал знает откуда взявшаяся, рожа лезет к тебе в дом?

– Полоснул бы мечом,- признался Конан,

– Ну вот видишь – тебе еще повезло! И я мог бы! – Карлик постучал ногтем по лезвию длинного узкого ножа, висевшего у него за поясом, как меч.- Но природное любопытство, как всегда, взяло верх, и я решил не торопиться.

– Я не спрашиваю, откуда ты знаешь мое имя. Благодаря природному любопытству, тебе наверняка известно и многое другое,- сказал Конан, усаживаясь на солому рядом с карликом.- Не поделившись своими знаниями?

– Чего ради? – равнодушно зевнул карлик.

– А вот я поделюсь с тобой своими.

Карлик окинул киммерийца оценивающим взглядом и, отвернувшись, принялся задумчиво жевать соломинку.

– Я понял тебя, Конан-варвар,- наконец сказал он. – Но мы поговорим

завтра. Сейчас тебе пора возвращаться.

Не говоря ни слова, Конан поднялся и спрыгнул с повозки. Пересекая двор, он заметил мелькавшую неподалеку тень и замер, крепко сжав рукоятку меча. Тень исчезла за ближайшим деревом.

– Эй, ты! – шепотом позвал киммериец.- Выходи по-хорошему, не то я не буду разбирать, кто ты таков,- просто снесу тебе голову, и все.

Ответа не последовало. Конан вытащил из ножен меч и шагнул к дереву, от которого тотчас отделилась какая-то высокая фигура и метнулась прочь. Лишь мгновение киммериец видел лицо убегавшего, и оно показалось ему знакомым. Но догонять Конан не стал – плонул, вложил меч в ножны и пошел к освещенному факелами крыльцу.

Когда он вошел в залу, то первым делом увидел, что его место занято, и не кем иным, как девицей, которая недавно побывала в его постели. Никто не повернулся в его сторону – все как всегда галдели и переругивались, а Корхас, похоже, дремал, откинувшись на спинку дивана.

Конан подошел к своему месту и, приподняв девицу, сел на диван, усадив красотку к себе на колени.

– Ну что, продолжим разговор? – шепнул он ей на ухо и тотчас заметил злобный взгляд смуглолицего Беркада.

– Продолжим, но только не сейчас,- проворковала девица.- Немного выпьем и пойдем к тебе.

– Идет,- кивнул Конан, наливая себе вина.- Но только запомни – со мной шутки плохи!

– Знаю, Конан,- нежно проговорила она и потерлась щекой о его плечо.- Этим ты мне и нравишься.

– Вот и отлично,- рассеянно пробормотал киммериец, не сводя глаз с Беркадом, который внезапно встал и пошел к двери.- Иди сейчас во-он туда. И никуда не уходи. А мне нужно кое с кем поговорить.

Красотка тотчас упорхнула, а Конан, вздохнув с облегчением, допил свой кубок. Он не сомневался, что Беркад ушел, чтобы увидеться с типом, который прятался за деревом. Не зря так злобно сверкали его глаза, когда киммериец, живой и невредимый, вернулся за стол.

«Все-таки они хотят меня убить, – размышлял Конан.- Или просто следят за мной? С этими шакалами будет нелегко справиться. Самое главное – я не могу понять, что они против меня замышляют и кто из них мне враг».

* * *

– Эй, киммериец, вставай! – донесся до Конана встревоженный голос хозяина.- Опять беда! Нужна твоя помощь!

Северянин открыл глаза и увидел перед собой бледное помятое лицо Корхаса. Ни о чем не спрашивая, Конан встал с кровати и начал одеваться.

– Да поживее ты! – поторапливал Корхас, нервно расхаживая по комнате.- Там небось уже все собрались. Болтать теперь будут на весь город. Чует мое сердце, неприятностей не оберешься!

Конан взглянул на кровать, но вчерашней красотки там почему-то не оказалось. «Странно,- подумал он,- на этот раз я прекрасно помню, как мы вместе пришли в эту комнату и завалились на кровать. Она даже назвала свое имя – Замиля, кажется. Она была очень неясна...

– Ну, давай же скорее! – Хозяин схватил Конана за руку и потащил к двери.- Клянусь Митрой, происходит что-то дьявольское! А у меня завтра свадьба!

Конан широкими шагами двинулся по коридору; Корхас семенил следом, едва поспевая за длинноногим киммерийцем. Выйдя на крыльцо, Конан огляделся: в дальнем углу двора собралась толпа. Подойдя к возбужденно переговаривавшимся людям и бесцеремонно растолкав собравшихся, он увидел на дне отхожей ямы странно скрючившегося и наполовину погруженного в зловонную жижу толстяка Турфа. Киммериец стиснул зубы, отвернулся и встретился глазами с Корхасом.

– И ведь действительно свалился в яму,- мрачно произнес хозяин, сплюнув с досады.- Это все Максуд накаркал! Что, ты забыл, кривая рожа, как весь вечер талдычил, что Турф непременно свалится в яму? – набросился он на обладателя багрового шрама.- А может, это ты сам его столкнул, Нергалово отродье?

– Да что ты, Корхас! – испугался Максуд, растерянно оглядывая столпившихся вокруг, будто ища у них поддержки.- Мы же с ним приятели были, это все могут подтвердить. Я просто немного подщупил

над ним тогда...

– И тарелкой ты в него заехал тоже в шутку! – продолжал наседать Корхас.- Если бы вас тогда не разнял, ты бы убил его прямо у меня на глазах!

– Нет! – в ужасе прошептал Максуд.- Это не я! Все могут подтвердить, что за весь вечер я только один... нет, два раза выходил из-за стола. И оба

раза вместе с Беркадом!

Корхас взглянул на смуглолицего, тот молча кивнул.

– Ладно, пошли отсюда. Турфом займутся слуги, а мы пока поговорим.- И хозяин решительно направился в сторону дома.

Когда все уселись за стол, Корхас окинул присутствующих грозным, не предвещавшим ничего хорошего взглядом. Не обращая на него внимания. Копии потянулся к единственному стоявшему на столе кувшину с вином и сделал несколько мощных глотков прямо из горльшка. Заметив устремленные на него злобные и завистливые взгляды, киммериец невозмутимо вытер рот ладонью и откинулся на мягкую спинку дивана,

– Вот кто виновник всех бед в этом доме! – внезапно крикнул Максуд, указывая пальцем на Конана.- Как только он здесь появился, так все и началось! Кого ты пригрел, Корхас?

– Заткни пасть! – рявкнул хозяин.- Киммериец – свой человек, тут и говорить не о чем! Вспомните-ка лучше, зачем вы сюда приехали! Или забыли, что завтра у меня свадьба?

– Мы-то помним, а вот он что тут делает? – не унимался разъярившийся Максуд.- Я уверен, он неспроста сюда заявился! А может, он не тот, за кого себя выдает?

– А кто же он тогда? – спросил Корхас, пристально глядя на киммерийца.

– Нергал его знает! – не унимался Максуд,- Запер бы ты его лучше на крепкий замок, пока все не расскажет! А мы поможем – душу из него вытрясем! Будь уверен!

– Точно, Корхас! – подал голос еще один гость, щуплый и плешивый, но богато одетый.- Того и гляди он тут такого натворит! Может, он решил нас всех отправить на Серые Равнинны?

– Не буду врать, у меня действительно руки чешутся постучать по вашим поганым мордам,- процедил сквозь зубы Конан, допив вино.- Но только я сделаю это открыто и не буду таиться в темноте, как трусливый шакал. Вы хоть знаете, что такое честный бой, или всю жизнь прятались по углам, норовя ткнуть ножом в спину своего же дружка? Если знаете – я готов хоть сейчас сразиться со всеми вами, вместе взятыми! Но предупреждаю – никто из вас в живых не останется! Ну, как?

За столом воцарилось молчание. Гости растерянно переглядывались, стараясь не смотреть на киммерийца, внушавшего им ужас, и лишь один Корхас, казалось, был доволен.

– Что, съели? – язвительно спросил он и хитро прищурился.- Я же говорил, что северянина лучше не трогать. К тому же не забывайте, что он

мой гость и я обязан оказать ему в моем доме такой же почет, как и всем остальным гостям. Так что выкиньте из своих ослиных голов надежду на то, что на него можно свалить ваши пьяные безобразия. Да и на кой вы ему сдались? У него, я думаю, есть планы посерьезнее, чем возиться с такими шакалами, как вы!

Конан внимательно посмотрел на хозяина. Ох, не прост этот Корхас, совсем не прост! Но что же ему все-таки надо? Корхас хлопнул в ладоши, и через несколько мгновений в залу вбежали проворные слуги и рабыни-смуглянки, неся серебряные подносы с яствами и напитками. Гости заметно оживились и заерзали на диванах, раздувая ноздри и вдыхая соблазнительные ароматы.

– Вот что я думаю,- произнес хозяин, взяв в руки кубок.- Завтра у меня свадьба, и, как я уже говорил, в числе приглашенных будут очень важные особы. Так что все должно пройти пристойно и тихо. Никаких распрай и дрязг! Никаких угроз и потасовок! А если кому-то это не нравится, то он может прямо сейчас встать и покинуть мой дом. Всем понятно?

– Не беспокойся, Корхас,- ответил за всех Беркад, изучая резной узор на своем кубке.- Все будет в порядке.

– Вот и хорошо,- кивнул хозяин, залпом осушил кубок и, взяв огромный кусок баранины, впился в него зубами.

Гости поспешили последовать его примеру, и вскоре над столом поплыла привычная музыка: бряканье, звяканье, чавканье, бульканье и прочие ласкающие слух звуки.

Конан ел мало. Медленно попивая вино, он размышлял о вчерашнем разговоре с балаганщиками и о загадочных убийствах, произошедших в этом доме. «Пора убираться отсюда,- решил Конан.- Но только не с пустыми руками».

Его размышления прервал громкий голос изрядно повеселевшего хозяина:

– Так где же все-таки эти вонючие балаганщики? Они собираются развлекать моих гостей или нет? Эй, Грул, сбегай, скажи им, чтоб надевали свои дурацкие балахоны и готовились к выступлению! – приказал он слуге.- Я хочу лично убедиться, что они повеселят моих высокопоставленных гостей, как надо. Мы сейчас пойдем и посмотрим, что они умеют. И видит Митра, если они ни на что другое, кроме как жрать мое вино, не способны, мы их тут же взгреем! Да так, что они навек запомнят, как меня обманывать!

Гости оживились, предвкушая возможность размяться и помахать кулаками. Конан нахмурился, ему вовсе не хотелось сейчас встречаться с

лицедеями – они могли невольно выдать, что уже знакомы с киммерийцем. А вот с карликом надо бы встретиться как можно скорее.

В дверях появился запыхавшийся Грул. Подобострастно ухмыляясь, он доложил хозяину:

– Эти шакалы уже успели нализаться. Теперь горланят похабные песни и всех посылают к Нергалу.

– Что? – побагровел Корхас. – И меня тоже?

– Несомненно, – с довольным видом подтвердил Грул.

– Но я же приказал не давать им вина! А денег у них нет. Где они раздобыли себе пойло, свиные рыла? Неужели залезли в мой погреб? – Пылая от гнева, Корхас поднялся из-за стола и махнул рукой гостям. – А ну-ка, пошли, разберемся с этими негодяями! Проучим их как следует, чтобы впредь неповадно было!

Гости не заставили себя упрашивать и тотчас гурьбой повалили к дверям. Конан пошел с ними, но у самого порога посторонился и, дав всем пройти, остался в зале, размышляя, стоит ли идти со всеми или все-таки воспользоваться случаем и попробовать хороенько осмотреть дом. После недолгих раздумий он решил, что за судьбу балаганщиков беспокоиться нечего – у них есть силач, который расшвыряет и хозяина и его дружков, как щенят

К тому же лицедеи, если дело действительно дойдет до серьезного побоища, наверняка ожидают, что киммериец примет их сторону. А Конану вовсе не хотелось ввязываться в драку – слуги обязательно вызовут стражников, и дело неминуемо кончится тюрьмой, а не мешком денег, который он собирается прихватить из дома Корхаса.

Конечно, он бы с удовольствием посмотрел, как повалятся на землю спесивые хозяйские дружки, которых будет молотить своими огромными кулачищами силач, но с этим развлечением можно повременить. Есть дела и поважнее.

Тихонько приоткрыв дверь в противоположном конце залы, Конан осторожно выглянулся в проем и увидел длинную анфиладу комнат.

«Отлично, – подумал он. – Это гораздо лучше, чем коридор, в котором даже спрятаться негде. Ну что ж, вперед, и да поможет мне Кром!»

Конан бесшумно прошел первую комнату, держась поближе к стенам, и, убедившись, что во второй тоже никого нет, проскользнул дальше. Повсюду висели роскошные ковры, стояла дорогая мебель – несомненно, Корхас был очень богат. Но киммериец не стал задерживаться, он не сомневался, что настоящие богатства хранятся где-нибудь в глубине дома.

Когда он проходил четвертую комнату, до его чуткого слуха донесся

отдаленный звук неторопливых шагов. Конан замер, огляделся и бросился под стол, покрытый длинной тяжелой скатертью. Сквозь нее невозможно было ничего разглядеть и пришлось довольствоваться лишь узкой щелью между краем скатерти и полом. Шаги были ужо совсем близко, и вот наконец некто медленной, но уверенной походкой прошел совсем рядом, направляясь в сторону залы. Конан видел только грубые кожаные башмаки, какие обычно носят охранники. Когда шаги удалились, киммериец осторожно приподнял край скатерти и увидел широкую спину охранника, который все тем же неспешным шагом двигался через анфиладу комнат.

Даже не видя лица, Конан сразу узнал его – это был охранник Ульсар из дома Бешмета, который вместе с Конаном сопровождал караван. Именно он передал Корхасу письмо от дяди и о чем-то шептался с ним. Только теперь Конан вдруг понял, что именно этот человек прятался вчера во дворе за деревом. Значит, он – доверенное лицо и Бешмета, и Корхаса. Странно только, что все это время его не было видно, хозяин не приглашал Ульсара к столу. Похоже, он выполняет какие-то секретные поручения Корхаса. Хорошо бы узнать, какие...

Тем временем охранник открыл дверь в залу и застыл на пороге. Потоптавшись немного, он оглянулся и неуверенно вошел внутрь.

– Ага, дорвался наконец до хозяйского стола! – усмехнулся Конан.- Ну давай, пока Корхас дерется с балаганщиками, поешь да попей вволю. А если удастся, еще и поспи там!

Конан вылез из-под стола и быстро двинулся дальше. В самой последней комнате он увидел три двери – по одной на каждой стене. Поколебавшись, киммериец выбрал ту, что справа, и попытался осторожно ее отворить.

Дверь была заперта. Нагнувшись, Конан разглядел язычок замка и, вытащив из-за пояса кинжал, попробовал отодвинуть его. Это оказалось нелегкой задачей, но кинжал с ней справился. Киммериец приложил ухо к замочной скважине, но не услышал ни малейшего звука. Конан медленно открыл дверь и ужом проскользнул в образовавшуюся щель. Внутри царил полумрак; свет сочился лишь сквозь неплотно задернутую штору, что закрывала узкое окно под самым потолком.

Киммериец замер на пороге, озираясь по сторонам. В просторной, роскошно обставленной комнате никого не было, и Конан, подождав еще немного, сделал несколько осторожных шагов.

Оглядевшись еще раз, Конан подошел к шкафчику с резными дверцами. Распахнув их, он увидел полки, уставленные золотой и серебряной посудой. «Для начала неплохо,- подумал северянин.- Но это

явно не самое интересное». Изящная тумбочка с витыми ножками, стоявшая у полукруглой, заваленной множеством бархатных подушек кровати, привлекла его внимание гораздо больше. Дверца была, конечно, заперта, но открыть ее не составило для Конана труда. Он сунул руку внутрь и вытащил небольшой ларец, инкрустированный драгоценными камнями.

«Вот она – шкатулка! – подумал киммериец.- Сейчас посмотрим, что там внутри».

Вдруг чья-то рука легла ему на плечо. Повернув голову, Конан увидел занесенный над ним кинжал. Времени на раздумья не было, и он, не разгибаясь, резко ударил противника локтем. Неизвестный рухнул па пол, выронив оружие, а Конан навалился «а него всем телом и, чтобы рассмотреть лицо нападавшего, сдернул с его головы капюшон.

Киммериец увидел лицо красивой молодой девушки, от жестокого удара она потеряла сознание. Бережно взяв незнакомку на руки, Конан перенес ее на кровать и в нерешительности застыл рядом. Когда он уже собирался уходить, девушка открыла глаза и, увидев чужака, вздрогнула и попыталась сесть.

– Кто ты? – простонала она.

– Не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого,- шепотом ответил Конан.- Если ты, конечно, не будешь орать.

– Кто ты? – повторила девушка, вставая с кровати.

– Я здесь по делам,- ответил киммериец, Оглянувшись, не подкрадывается ли к нему еще кто-нибудь(

– Понятно,- спокойно проговорила девушки. Я уж подумала, что в дом забрался грабитель.

Удивившись ее хладнокровию, Конан с интересом взглянул на хозяйку комнаты. Нежный овал лица, миндалевидные темные глаза, изящно очерченный рот – все в ней вызывало восхищение. Молодому варвару вдруг захотелось обнять девушку и крепко прижать к себе ее упругое стройное, неудержимо манящее тело.

Но сейчас было не до этого. Может быть, Корхас уже хватился его, и теперь слуги рыщут по дому в надежде схватить проклятого киммерийца и разорвать его на куски. Все может быть.

«А ведь невеста Корхаса! – вдруг понял Конан, не сводя глаз с прекрасной незнакомки.- Но как такая красавица могла согласиться выйти замуж за отъяленного мошенника и пьяницу? Что может их связывать?»

– Ты невеста Корхаса? – спросил он.- Как тебя зовут?

– Джайла,- вздохнув, ответила девушка.- Завтра я стану женой Корхаса.

– Похоже, ты не очень-то этому рада.- Конан взял Джайлу за руку, усадил на кровать и обнял за плечи.

Она лишь горько усмехнулась и ничего не сказала.

– Я могу тебе чем-нибудь помочь? – спросил он, еще ближе придвигаясь к девушке.- Хочешь, я расстрою свадьбу?

– Нет, что ты!- испуганно воскликнула она, отодвинувшись от Конана.- Ни в коем случае!

– Ты ему должна? Или он тебе чем-то угрожает? Расскажи мне.

– Не могу,- грустно сказала девушка.- Ты лучше иди, а то тебя могут здесь обнаружить, и тогда дело будет совсем плохо.

– Ну, за меня-то не беспокойся,- усмехнулся Конан.- Лучше скажи, что тебя тревожит. Я знаю, что Корхас – пройдоха, каких мало, он и сейчас что-то замышляет. Если ты попала в беду, положись на меня. Я смогу тебе помочь.

Джайла некоторое время задумчиво молчала, глядя в сторону, затем неожиданно крепко сжала руку Конана и посмотрела ему в глаза.

– Берегись Корхаса, чужестранец,- загадочно произнесла она.- Завтра ты многое поймешь. А теперь уходи.

– Я уйду,- сказал Конан, поднимаясь.- Но все-таки мне бы хотелось знать, почему я должен бояться Корхаса.

– Завтра узнаешь,- сказала девушка, опустив глаза.- Я только одно могу сказать – он очень плохой человек. И очень хитрый.

– Понятно,- Конан осторожно отворил дверь и, убедившись, что там никого нет, обернулся и еще раз взглянул на Джайлу.

– Меня зовут Конан,- улыбнувшись ей на прощание, сказал он.- Конан-киммериец. До завтра!

* * *

Когда Конан вернулся в залу, там было по-прежнему пусто. Схватив со стола кувшин, он на ходу сделал несколько больших глотков и, отшвырнув пустую посудину, направился к выходу. К счастью, Конану никто не встретился на пути, и он благополучно вышел во двор, ожидая увидеть кровавое побоище.

Но перед ним предстала совсем другая картина. Вокруг пестрого фургона, у которого теперь была откинута боковая стенка, собралась масса народа: гости во главе с хозяином, толпившиеся позади них слуги, охранники, конюхи, повара и прочий люд, обслуживающий огромный дом и хозяйство Корхаса.

А на сцене выступали два акробата, вытворявшие своими гибкими телами невиданные выкрутасы. Толпа одобрительно гудела и громко охала, когда акробаты продевали уж совсем рискованные трюки.

Конан незаметно присоединился к зрителям, собираясь протиснуться вперед поближе к Корхасу и его гостям, но в этот момент кто-то дернул его за рукав. Обернувшись, киммериец увидел карлика, тот подмигивал ему с самым таинственным видом.

– Пойдем, Конан, – прошептал малыш. – Поговорим.

Осмотревшись по сторонам, Конан заметил высокую фигуру Ульсара, который, прячась за сараем, глазел на представление из-за угла.

– Иди вперед, – тихо проговорил Конан. – Жди меня за теми кустами.

Акробатов сменил фокусник. Он начал показывать удивительные чудеса, и толпа завороженно следила за тем, как его тонкие ловкие руки, извлекая из черного ящика какой-нибудь предмет, тотчас превращали его во что-то другое. Охранник вытянул шею и разинул рот, не видя ничего, кроме фокусов, и Конан смог уйти незамеченным.

Ни карлик, ни киммериец не любили лишних слов, и вскоре план действий был готов. Карлик, который, как оказалось, носил длинное имя Бали Маракуда ог-га Гопал и что-то там еще, чего Конан уже не смог запомнить, действительно оказался очень толковым малым. Он заинтересовался шкатулкой, и Конан понял, что Бали о ней что-то известно, – похоже, малыш не случайно приился к балаганщикам, чтобы попасть в дом Корхаса.

Как бы то ни было, но у Конана появился отличный напарник, действовать с которым будет гораздо легче, чем в одиночку. Между тем представление должно было скоро закончиться, и киммериец поспешил присоединиться к зрителям.

На сцену выбежал рыжий шут и скрчил ужасно смешную рожу. Зрители дружно захохотали, а шут, раскланявшись, запищал:

– Представление окончено, драгоценная публика! Приходите к нам еще, мы всегда рады видеть ваши невозможные прекрасные лица! – Он сделал драгоценной публике нос, кубарем скатился с фургона и исчез.

Толпа немного пошумела, ей хотелось поглязеть еще, но лицедеи больше не появлялись, и зрители неохотно начали расходиться. Конан

увидел раскрасневшееся, возбужденное лицо Корхаса. Похоже, представление ему понравилось. Его приятели оживленно переговаривались и жестикулировали, словно пытались воспроизвести трюки и фокусы балаганщиков.

– Ну что, киммериец, нравятся тебе мои шуты? – спросил веселый хозяин, поравнявшись с Конаном.- Видишь, как я забочусь о том, чтобы мои гости не скучали? Нет, до чего ж они ловкие, эти придурки! Никогда бы не поверил, что человек может вытворять такое! Что скажешь, киммериец?

– Я видел много таких представлений,- отозвался Конан, нацепив на себя беспечную улыбку.- Но эти, пожалуй, действительно лучше других.

– Лучше всех! – завопил Корхас. Его прямо-таки распирало от гордости, будто это он сам только что показывал чудеса ловкости и сноровки.- Теперь я спокоен – мои благородные гости останутся довольны. Они надолго запомнят мою свадьбу! Весь город будет о ней говорить!

– А кто твоя невеста, Корхас? – как бы невзначай поинтересовался киммериец.- Почему ее до сих пор не видно?

Хозяин перестал улыбаться и с подозрением взглянул на Конана.

– А на что она тебе? – буркнул он.- Ей не положено до свадьбы сидеть за одним столом с мужчинами. Пусть занимается своими женскими делами: шьет, к примеру, вышивает… – ну, что они еще там делают?

Подушки пухом набивают,- усмехнулся Конан.- Перины стелют.

– Вот-вот! – подхватил Корхас. – Дел-то по горло! Я, например, целыми днями кручуясь, проверяю – все ли готово, все ли в порядке? Гостей-то тьма будет, все надо упомянуть. Хоть в лепешку разбейся!

«Болтун! – подумал Конан.- Крутится он, видите ли, целыми днями! С утра до вечера вино хлещет да с дружками языком чешет. И все-таки не такой уж он дурак, каким хочет казаться. Затеял со мной игру, приятель? Как бы не пожалеть потом?»

– Может, я чем-нибудь помогу, а то ты и впрямь еще разобьешься… в лепешку? – с сочувствием спросил северянин.- К тому же утром ты сам сказал, что тебе нужна моя помощь.

Они уже подошли к крыльцу. Хозяин остановился, о чем-то задумавшись.

– Да, нужна,- наконец кивнул он.- Но об этом после переговорим. Я скажу, когда ты мне понадобишься.

Они вошли в дом и вновь уселись за ставший уже привычным стол, ломившийся от блюд и напитков.

– Грул! – крикнул Корхас, залпом осушив кубок.- Пойди-ка скажи,

чтобы щутам дали вина, только не много. Сегодня они заслужили. Да, и приведи сюда карлика. Скажи, я угощу его хорошим обедом.

Конан нахмурился. Может, Корхас решил теперь все время держать карлика при себе? А может, он узнал, что киммериец с малышом о чем-то разговаривали, и теперь будет за ними следить? Наверняка, охранник доложил ему, что Конан ходил вчера вечером к балаганщикам...

Дверь распахнулась, и в залу вошел Грул, таща за собой упиравшегося карлика. Однако на этот раз бить малыша он побоялся.

Подойдя к Корхасу, Бали неожиданно громко рявкнул:

– Что за безобразие, хозяин? Почему всякий раз, когда я собираюсь вздремнуть после тяжелой работы, твои вонючие слуги хватают меня за шиворот и куда-то тащат? Неужели я не имею права на небольшой отдых? Если так будет и дальше продолжаться, я не медленно уйду отсюда. Я человек свободный и волен делать то, что пожелаю!

Опешив от неожиданности, Корхас растерянно захлопал глазами:

– Да ты что... как тебя там? Я просто хотел... - начал было он.

– Меня зовут Бали Маракуда ог-га Гопал Приви-рама Тити Бесаме Актам,- оборвал его карлик.- Я перечислил еще далеко не все свои родовые имена, но и не собираюсь этого делать, потому что ни ты, ни твои вислоухие болваны их все равно не запомнят. Так чего ты хотел?

Услышав имя карлика, Корхас нахмурился и потер лоб рукой, будто что-то припоминая.

– Я хотел, чтобы ты поел немного,- сказал он, продолжая думать о чем-то своем.- Подкрепился после тяжелой работы.

– А меня ты спросил? Поинтересовался, чего хочу я? – уперев руки в бока, сурово вопросил Бали.- Я тебе что? Наложница какая-нибудь, чтобы мною распоряжаться! И твоим прихотям я подчиняться не собираюсь!

– И ты его терпишь, Корхас? – возмутился Максуд.- Гнать его надо в шею!

– Это точно! – загадели гости.- Изображает из себя принца какого-то!

– Я и есть принц,- невозмутимо проговорил карлик.- Наследный принц.

– Наследный принц? – переспросил Корхас, пристально вглядываясь в малыша.

Гости дружно загоготали. Не смеялся, пожалуй, один Корхас. Не обращая внимания на всеобщее веселье, он озадаченно почесал макушку и смущенно произнес:

– Ну, прости, э...- Он запнулся, пытаясь вспомнить имя карлика.

– Бали Маракуда,- подсказал Бергад, видно, память у него была

хорошая.

– Прости, Бали Маракуда, я не хотел тебя тревожить. Не суди меня строго, у меня было тяжелое детство, и хорошего воспитания я не получил,- покаянно бормотал Корхас. – Но обещаю, что впредь в этом доме к тебе будут относиться с должным почетом и уважением.- В подкрепление своих слов хозяин приложил руку к сердцу и отвесил карлику низкий поклон.- А сейчас, господин наследный принц, не желаете ли отведать отменных кушаний и испить вин благородных, ароматных и выдержаных?

– Я вижу, ты ничего не понял,- печально покачал головой Бали Маракуда.- Неужели ты думаешь, что я сяду за один стол с этими негодяями, которые ржут как жеребцы, узнав, что перед ними стоит потомок благороднейшего рода? И неужели ты думаешь, что у меня не пропал аппетит от того, что к столу меня не пригласили вежливо, а приволокли за волосы?

– А ну, ослиная башка, извинись перед принцем! – рявкнул хозяин, обращаясь к Грулу.- Быстро!

Грул уставился на хозяина, разинув рот от изумления. Гости переглядывались, удивленно пожимая плечами. Не решаясь ослушаться хозяина, Грул пробормотал сквозь зубы слова извинения. Карлик кивнул, показывая, что принимает их.

– Теперь эти,- указав на гостей, потребовал карлик.

– Ну, это уж слишком! – возмутился Максуд.- Чтобы я извинялся перед каким-то шутом? Корхас, в чем дело?

– Делай, что тебе говорят! – отрезал хозяин.- А не то вылетишь отсюда!

– Да я сам уйду! – прошипел Максуд, поднимаясь.- Вы что, тут все с ума посходили?

– Да брось, Максуд, разве ты не понял, что это шутка? – усмехнулся Беркард.

– Точно! – подхватил щуплый плешивый гость,- Так сказать, представление продолжается! Только теперь мы сами в нем немножко поучаствуем.

– Нет уж, только без меня! – Максуд в сердцах плонул и вышел из залы.

Не удостоив его и взглядом, Бали продолжал ждать извинений. Гости переглянулись и, подталкивая друг друга локтями и изобразив на лицах притворное раскаяние, виновато забормотали:

– Прости нас, наследный принц! Не гневайся на нас, ослиных голов, тупорылых болванов, свиных задниц! Не лишай нас своей милости –

откушай с нами, осчастливь нас своим присутствием!

Бали слегка поморщился, но останавливать этот поток не стал. Когда же фонтан остроумия гостей иссяк, карлик надменно кивнул, показывая, что вполне удовлетворен.

– Вот это другое дело, Корхас,- сухо проговорил он.- Надеюсь, ты сделаешь соответствующие выводы. А сейчас я пойду отдохнуть.

– А поесть?- удивился Корхас.

– Я ем только тогда, когда хочу. А сейчас я хочу спать! – веско ответил карлик и с гордым видом вышел из залы.

Как только за ним закрылась дверь, гости вновь оживились.

– Ну и повеселил ты нас, Корхас! – наперебой загадали они,- Как ловко ты ему подыграл – мы даже сначала не поняли, А Максуд вообще разобиделся насмерть!

– А вот интересно, почетных гостей, которые придут к тебе завтра, ты тоже заставишь кланяться перед этим чокнутым? – насмешливо спросил Беркад,- То-то будет потеха!

Корхас натянуто улыбнулся и отхлебнул из кубка.

– Вряд ли,- задумчиво произнес он.- Думаю, они не такие сообразительные, как вы, и вряд ли оценят эту шутку. В общем, там видно будет.

Конан видел, что хозяин явно чем-то встревожен.

Корхас долго молча пил и ел, а затем встал и пошел во двор. Конан поймал на себе пристальный взгляд Беркада, но решил не обращать на него внимания и выйти вслед за Корхасом.

Схватившись за живот и изобразив на лице нечеловеческие страдания, киммериец торопливо покинул залу. Выйдя за дверь, он оглянулся и увидел хозяина, сворачивавшего за угол дома. Конан пошел следом, старательно пошатываясь и держась за стену, чтобы не вызвать подозрений у сновавших по двору слуг Корхаса.

Киммериец осторожно заглянул за угол, но хозяина не увидел. Зато, пройдя вдоль задней стены дома, Конан наткнулся на маленькую чуть приоткрытую дверь. Оглянувшись и не заметив ничего подозрительного, он медленно открыл дверь и проскользнул внутрь. Там было темно и тихо, но Конан увидел полоску света, пробивавшегося из-под какой-то двери, и осторожно направился туда.

Услышав голос Корхаса, киммериец приложил ухо к двери и замер. Хозяин расхаживал взад-вперед по комнате, поэтому часть слов Конан никак не мог разобрать.

– Он может меня погубить,- возбужденно говорил Корхас неведомому

собеседнику.- Я так долго шел к этому, а теперь все может рухнуть в один миг. Его надо остановить! Ты понимаешь меня, Ульсар?

– Да, хозяин,- отозвался другой голос. – Будь моя воля, я бы придушил их обоих. Нет-нет, что ты! Варвар пока мне нужен! – воскликнул Корхас.- Как раз он-то, сам того не зная, сослужит мне хорошую службу. А вот карлика ты уберешь сегодня ночью.

– А труп куда? – деловито осведомился охранник.

– Да никуда. Отдашь Булдaru, пусть полакомится еще тепленьkim,- отмахнулся хозяин,- И все будут думать, что он просто ушел. Обиделся, что с ним плохо обращаются, и ушел.

– Понял, хозяин,- пробасил охранник. – Все будет сделано.

– И продолжай следить за варварам,- добавил Корхас.- Он себе на уме, так что с ним осторожнее. Знать бы, что ему успел рассказать этот гадкий карлик!

Конан понял, что разговор подходит к концу, и, бесшумно пройдя по темному коридору, выглянул наружу. На заднем дворе по-прежнему никого не было, и киммериец вышел из дома, оставив дверь слегка приоткрытой. Благополучно обойдя дом, Конан, пошатываясь, начал приближаться к парадному крыльцу, как вдруг увидел вышедшего из дома Беркада.

Тот стоял на крыльце, пристально оглядывая двор. Заметив Конана, Беркад презрительно усмехнулся и направился в дальний угол двора.

«Он вышел посмотреть, что я делаю во дворе,- решил Конан, проводив смуглолицего взглядом.- Интересно, есть кто-нибудь в этом доме, кому до меня нет никакого дела? Или все собирались только для того, чтобы следить за мной?»

Киммериец вошел в залу в самый разгар очередной перебранки, так что никто не обратил на него внимания. На этот раз сцепились лысый человечек в дорогом наряде и дородный верзила, постоянно ковырявший в зубах серебряной зубочисткой. Франт оказался довольно задиристым и бойким на язык, и страсти уже начали накаляться, как вдруг дверь открылась, и в залу вошел Корхас.

Уперев руки в бока, он застыл на пороге и грозно нахмурился. Верзила тотчас умолк и усердно заработал своей зубочисткой, но плешивый, сидевший спиной к дверям, ничего не видел и продолжал распаляться все больше и больше.

– А ну тихо! – рявкнул Корхас.- Стоит мне отвернуться, как за моей спиной сразу же начинаются безобразия! Я предупреждал, Манил-заки, что выгоню в шею всякого, кто не умеет себя вести в приличном доме?

– Предупреждал,- пролепетал плешивый.- Но он первый...

– Я слышал только твой козлиный голос,- прервал его Корхас и, подойдя к столу, схватил Манил-заки за шиворот.- Иди собирай свои вещи, и чтоб ноги твоей больше не было в моем доме!

– Корхас, прости... Я больше не буду! – заныл Манил-заки, но Корхас пинками гнал его к двери и вытолкал вон.

– Так будет с каждым, кто думает, что ему позволено вести себя здесь, как в дешевом кабаке! – прорычал Корхас, обводя гостей суровым взглядом, на мгновение задержавшимся на киммерийце, который с самым беспечным видом дремал, откинувшись на спинку дивана.

Хозяин сел за стол и в воцарившемся молчании осушил кубок. Гости сидели тихо, не решаясь даже шелохнуться.

– Послушай, киммериец,- вдруг сказал Корхас. – У меня к тебе просьба – выведи придурука, которого я только что выгнал, за ворота. А то еще вздумает спрятаться где-нибудь в доме! Он ведь так рвался на мою свадьбу – видимо, мечтал завести дружбу с благородными людьми. Ну уж нет! Не хочу, чтоб он меня позорил, так что пусть убирается!

Конан кивнул и вышел из залы. Ему было совершенно безразлично – спрячется плешивый Манил-заки в доме или нет. Киммериец был рад возможности выйти во двор, нужно было найти Бали и рассказать мальшу о том, что с ним собираются сделать.

Уже не опасаясь, что за ним следят, Конан широкими шагами пересек двор и заглянул в фургон. Окликнув Бали и не услышав ответа, киммериец подошел к сараю и открыл дверь.

Карлик был там. Сидя на высоком табурете, он с аппетитом жевал черствые лепешки. Остальные балаганщики сидели вокруг колченого стола и молча пили вино. Увидев Конана, все оживились, а силач подошел к киммерийцу и дружески похлопал его по плечу.

– Хорошо, что ты пришел, Конан,- сказал он.- Надо поговорить.

– Мне тоже надо поговорить, и очень срочно,- сказал северянин, подходя к карлику.- С Бали Мара-кудой.

– Корхас решил меня убить? – равнодушно осведомился карлик, отправляя в рот очередную лепешку.

– Да...- растерянно кивнул Конан.- Откуда ты знаешь?

– Ты же видел – я сам напрашивался,- пожал плечами Бали.

– Но зачем? – недоуменно спросил киммериец.

Карлик доел последнюю лепешку, поставил миску на стол, а затем соскочил с табурета и подошел к Конану.

– Хоть я и напрашивался, это вовсе не значит, что я позволю себя убить,- сказал он и подергал киммерийца за рукав.- И ты не позволишь,

чтобы меня убили, правда?

– Конечно,- кивнул Конан.- Я тебя спрячу.

– Конан, мы бы и сами не дали его в обиду,- сказал рыжий шут, подходя к киммерийцу.- Но твоя помощь нам тоже не помешает.

– Ладно, не беспокойтесь. Бали будет в безопасности. А если кто-нибудь спросит, где он, говорите, что разобиделся и ушел неизвестно куда.- Конан открыл дверь и, убедившись, что путь свободен, взял малыша за руку.- Скоро стемнеет, и я спрячу его в надежном месте, а пока Бали посидит в фургоне.

Подсадив карлика, киммериец тоже залез в фургон и, плотно задвинув полог, повернулся к малышу.

– Так все-таки что это значит? – спросил он очень серьезно.- Ты понимаешь, что теперь наш план под угрозой?

– Да нисколько,- спокойно ответил Бали Мараку-да.- Скорее наоборот, у меня теперь развязаны руки, и я начну действовать уже сегодня ночью.

– И каким же это образом? – поинтересовался Конан.

– Как только я найду шкатулку – Корхасу конец,- загадочно произнес Бали.

– Слушай, Бали Маракуда,- нахмурившись, сказал киммериец.- Мы с тобой договорились действовать сообща, но я вижу, что ты от меня что-то скрываешь. Рассказал бы! За что ты хочешь ему отомстить?

Бали долго молчал, постукивая пальцами по рукоятке своего кинжала, затем вздохнул и посмотрел на Конана.

– Эта длинная история,- неохотно проговорил он.- И я ее никогда никому не рассказывал. Но тебе, так и быть, поведаю. Мой отец – правитель одного из вендийских княжеств...

– Так ты действительно наследный принц? – удивился Конан.

– Конечно. А ты еще не понял? – усмехнулся Бали Маракуда.- Как ты думаешь, почему Корхас заставил своих гостей извиняться передо мной?

– Я думал – в шутку. Правда, мне показалось, что он чем-то встревожен.

– Да, он понял, кто я, но не стал показывать это при всех, а просто решил меня убрать. Корхас ведь собирается стать важной персоной, и ему совсем ни к чему, чтобы завтра я рассказывал его благородным гостям об их бандитской семейке,- презрительно сказал карлик.- Отец-то его уже давно успокоился – он был пиратом, и ему выпустили кишку, когда он хотел ограбить корабль одного богатого купца. А Корхаса взял к себе дядя – разбойник и убийца почище своего братца – и воспитал под стать себе.

– Я имел счастье познакомиться с этим дядей в Эруке,- усмехнулся

Конан.- Он и отправил меня сюда. А откуда ты все это про них знаешь?

– Я искал Бешмета и Корхаса много лет,- ответил Бали Маракуда.- Мне было девять, когда они во главе сотен наемников-головорезов напали на мою страну и разграбили ее, а мою семью уничтожили. Мне удалось бежать, но вскоре меня поймали и продали кхитайскому рабовладельцу. Он несколько лет держал меня в бочке, поэтому я и не вырос. Но не только поэтому. В нашем роду от поколения к поколению передавался волшебный амулет, который охранял нас от всех злых сил. Убив моего отца, Бешмет сорвал с его шеи амулет и присвоил себе. Но ему амулет не поможет – для него это лишь бесполезная безделушка. Только в моих руках он может ожить и вернуть свою необыкновенную силу. Лишившись этой защиты, я стал беспомощным и превратился в жалкого карлика.

– Скажи мне, Бали, почему же амулет не помог вам тогда?

Мальш горестно вздохнул:

– Он помогает лишь живущим в мире. На горе, мой отец поссорился со своим братом из-за рабыни... И теперь я один... и мне не с кем ссориться.

– Значит, если ты вернешь амулет, то сможешь вырасти? – обрадовавшись, спросил Конан.

– Я не только вырасту. С его помощью я смогу уничтожить Бешмета и Корхаса, даже не подходя к ним близко,- ответил Бали, и его глаза холодно сверкнули.- Когда мне удалось убежать из Кхитая, я много лет странствовал по свету, разыскивая свой амулет, и лишь совсем недавно нашел в Эруке Бешмета. Прокравшись к нему в дом, я обшарил там каждый уголок, но, видимо, старый разбойник прятал амулет умело. А вскоре я узнал, что Бешмет собирается подарить амулет Корхасу на свадьбу, и тогда я спешно отправился в Аренджун. Остальное ты знаешь.

– Ну и ну,- покачал головой Конан.- И все же я не понимаю, зачем ты раньше времени сказал Корхасу, кто ты?

– Честно говоря, я просто не удержался,- грустно усмехнулся карлик.- Мне так хотелось плюнуть в его поганую рожу... Но не волнуйся, Конан, я все равно не отступлюсь, и амулет будет в моих руках. А Корхасу придет конец. Так что ты можешь не торопиться искать его золотишко – оно все равно будет нашим.

– Для этого нужно найти амулет,- задумчиво произнес Конан.- Но пока я даже не знаю, где тебя спрятать.

– Как где? В доме, конечно! – улыбнулся Бали.- И желательно в кладовой со съестными припасами! Не забывай, что я маленький и могу поместиться в любой корзине. Или, например, в этом сундуке! – И он

указал на небольшой сундук, стоявший в углу фургона,- Тут даже замок есть, так что никто не сможет сунуть в него свой любопытный нос.

Карлик выбросил из сундука какое-то тряпье и залез внутрь, свернувшись калачиком.

– А ты не задохнешься? – спросил Конан.

– Я ведь несколько лет прожил в бочке и научился дышать, где угодно. А кроме того, это очень хитрый сундук – у него открывается боковая стенка. Это я придумал, чтобы на всякий случай у меня было надежное убежище,- гордо объяснил Бали Маракуда.- Ты закрой меня на замок, а ключ где-нибудь спрячь, чтобы никто не смог открыть.

– Ладно, попробуем,- кивнул Конан и, закрыв сундук, выглянул из фургона.

По двору неторопливо шел слуга, направляясь в сторону дома, и у Конана тотчас созрел план. Схватив сундук, он быстро догнал слугу:

– Отнеси-ка это в дом и поставь в кладовой, да только не говори хозяину,- как можно более внушительно произнес киммериец.- Тут для него свадебный подарок, Корхас не должен узнать о нем раньше времени.

Слуга почесал затылок, безразлично посмотрев на варвара, но золотая монета, которую Конан вложил ему в руку, сделала свое дело. Слуга подхватил сундук и торопливо понес его в дом.

Конан пошел следом и, убедившись, что слуга направился в сторону кладовой, решил вернуться к гостям. Он уже взялся за ручку двери, ведущей в залу, как вдруг до его слуха донесся звук осторожных шагов. Конан вжался в нишу и замер.

Он слышал, как кто-то спускается с лестницы. Подождав немного, киммериец выглянул и увидел знакомую фигуру охранника, свернувшего в боковой коридор. Дождавшись, пока шаги стихнут, Конан пошел в другую сторону и поднялся на второй этаж. Он не помнил, где была комната Манил-заки, и стал открывать все двери подряд. Наконец, открыв очередную дверь, киммериец увидел лежащего на кровати человека. Издали можно было подумать, что Манил-заки спит, но безжизненно свисавшая рука не оставляла сомнений, что он мертв.

Конан вернулся вниз. Боковой коридор, в который свернул охранник, по всей видимости, вел на кухню – об этом свидетельствовали доносившиеся оттуда соблазнительные запахи. Конан добрался до поворота, заглянул за угол и увидел широкий арочный вход, за которым сквозь дым и чад мерцали языки плясавшего в жаровнях пламени.

«Вот где он кормится,- подумал Конан. Киммериец уже не сомневался, что все убийства совершены охранником по приказу Корхаса, не понятной

пока оставалась лишь причина.- Наверное, каждый раз, убив кого-нибудь, этот шакал идет на кухню и с аппетитом жрет. Сегодня, после расправы над карликом, он рассчитывает еще на один ужин, но на этот раз у него ничего не выйдет. Посидишь голодным, Нергалово отродье!»

Конан вернулся в залу и сел на свое место, заметив, что за столом опять появились девицы, в том числе и Замиля,- она сидела на коленях у верзилы с серебряной зубочисткой. Увидев киммерийца, она кокетливо помахала ему рукой и, шепнув что-то верзиле на ухо, соскочила с его колен и подошла к Конану.

– Интересно, где ты пропадаешь днем? – спросил киммериец, когда Замиля уселась рядом, положив голову ему на плечо,- Я вижу тебя только вечером и ночью.

– О, днем у женщин всегда найдутся дела,- нежно проворковала она.- Но после заката солнца я твоя.

«Нет уж, сегодня ночью мне лучше побывать одному,- подумал Конан,- У нас с Бали другие планы».

Он вдруг вспомнил о Джайле, невесте Корхаса, и ему очень захотелось увидеть девушку еще раз.

– Ну что, киммериец, Манил-заки убрался со двора? – как бы между прочим спросил Корхас, наполняя свой кубок вином.

– Все в порядке,- коротко ответил Конан, пристально посмотрев на хозяина.- Просил передать тебе привет.

Корхас глянул на киммерийца, но тут же отвел глаза.

– Хорошо,- пробормотал он и, допив вино, швырнул кубок в сторону,- У меня еще сегодня много дел. Кто хочет, может оставаться здесь, а я пойду проверю, все ли готово к свадьбе. Беркад, пойдем, поможешь мне,- кивнул он смуглолицему и направился к выходу.

Проводив Корхаса и Беркада взглядом, Конан повернулся к Замиле и обнял ее за талию.

– Пойдем ко мне,- шепнул он девице на ухо.- До ночи еще далеко, а я уже по тебе соскучился.

Замиля кивнула и нежно провела пальцами по щеке Конана.

– Пойдем,- прошептала она,- Только возьмем с собой вина.

Прихватив со стола два кувшина, киммериец поднялся и направился к двери. Замиля, покачивая бедрами, двинулась за ним, на ходу погладив по голове верзилу с серебряной зубочисткой. Тот лишь презрительно хмыкнул.

Наверху Конан налил вина в единственный кубок, имевшийся в его комнате, протянул его Замиле, а сам глотнул прямо из кувшина.

– Подожди-ка,- вдруг сказала она, прислушиваясь к чему-то.- Кажется,

сюда кто-то идет.

Конан ничего не слышал, но все же подошел к двери. Как он и думал, в коридоре никого не было. Бросив быстрый взгляд через плечо, киммериец успел заметить, как Замиля склонилась над его кувшином.

«Понятно,- подумал он.- И ты тоже на службе у Корхаса. Тебя он приставил ко мне, чтобы ночью было кому следить, чем я занимаюсь. А днем ты, скорее всего, отсыпаешься. Корхас, конечно, хитрец, но он еще не понял, с кем имеет дело».

– Там никого нет,- сказал Конан и, вернувшись к кровати, сел рядом с Замилей,- А если бы и был, нам-то что? Ты лучше потанцуй мне. Ведь ты, наверное, умеешь хорошо танцевать?

– Да, неплохо,- улыбнулась она, прижимаясь к киммерийцу.- Но здесь нет музыки.

– Сейчас будет.- Конан взял в руки кубок и, допив остатки вина, тихонько коснулся им кувшина, в который было всыпано зелье. По комнате поплыл мелодичный звон,- Вот видишь, музыка есть!

– Ну, ладно,- согласилась Замиля и, встав с кровати, закружилась по комнате.

Конан усердно аккомпанировал девушки и, выбрав момент, когда танцовщица повернулась к нему спиной, быстро поменял кувшины местами – они были совершенно одинаковы с виду. Затем он взял в руки кувшин без зелья и подошел к Замиле.

– Превосходно! Ты так мне нравишься, что я хочу за тебя выпить.- С этими словами он приложил кувшин к губам и, сделав несколько мощных глотков, осушил его.- А теперь ты выпей за меня – я ведь тоже умею нравиться женщинам.

Конан наполнил кубок из второго кувшина и протянул его Замиле. Ни о чем не подозревая, девица выпила кубок до дна и впилась в киммерийца страстным поцелуем. Конан подхватил ее на руки и положил на кровать.

– Подожди;- сказал он.- Выпей еще.- Конан наполнил кубок.- У тебя после вина щечки наливаются таким румянцем, а глазки так блестят, что я начинаю сходить с ума.

Девица залилась звонким смехом и, приподнявшись, выпила вино. Ее глаза действительно заблестели, и Конан уже потянулся, чтобы заключить Замилю в объятия, но она, играво оттолкнув его руку, заявила:

– Хочу еще!

Конан налил девушке вина, радуясь, что его новая подруга оказалась такой любительницей выпить. Если она подсыпала в вино снотворное зелье, значит, вскоре заснет крепким сном, и он сможет спокойно уйти по

своим делам.

Так и произошло. Поцелуи и объятия Замили постепенно становились все слабее и слабее, и вот наконец она уже перестала отвечать на ласки Конана. Приподнявшись, киммериец взгляделся в лицо девушки, оно было спокойным и безмятежным – Замиля сладко спала. Встав с кровати, Конан подошел к двери и прислушался, на этот раз он действительно различил шаги. Похоже, по лестнице поднимались несколько человек. Положив руку на рукоятку меча, киммериец замер, но, услышав пьяные голоса гостей, видимо решивших лечь спать пораньше, успокоился. Побубнив немного в коридоре, гости разошлись по своим комнатам и затихли.

«Прекрасно,- подумал Конан.- Чем меньше их будет болтаться по дому, тем лучше». Киммериец спустился в залу и увидел, что там нет никого, кроме двух слуг, убиравших со стола и торопливо совавших в рот недоеденное гостями. Заметив Конана, оба тотчас подхватили подносы с посудой и быстро ушли.

Подождав немного, киммериец решил навестить невесту Корхаса. К счастью, никто не попался ему на пути, и вскоре Конан уже стоял у двери покоев Джайлы. Из ее комнаты доносилась тихая музыка. Джайла пела! Сердце взволнованно забилось в груди Конана и, открыв кинжалом замок, он вошел в комнату.

Пение оборвалось. Джайла, сидевшая в низком кресле рядом со столиком, на котором горела свеча, подняла голову и молча взглянула на киммерийца.

– Прости, что я опять потревожил тебя,- сказал Конан, подойдя ближе.- Нам надо поговорить.

– Зачем ты подвергаешь свою жизнь опасности? – грустно спросила Джайла, отложив в сторону золотое шитье.- Ко мне нельзя входить. Меня держат под замком, и приходить сюда могут только рабыни.

– А Корхас?

– С тех пор, как я живу в этом доме, он был тут всего два раза,- ответила она.- Но онходит через другую дверь.- Она показала на закрытую шторой дверь в противоположном конце комнаты.- Там его покой.

– Вот как! – присвистнул Конан.- Они-то мне и нужны!

Джайла печально покачала головой.

– Я не знаю, зачем ты появился в этом доме, Конан-киммериец, но если ты задумал что-то против Корхаса, тебе надо быть осторожнее,- со вздохом произнесла она.- В его покоях сидит охранник, который часто заглядывает ко мне и проверяет, что я делаю. Если ты хочешь там что-то

найти, помни – он вооружен.

– Как видишь, я тоже,- усмехнулся Конан, похлопав по рукоятке меча.- А с охранником этим я хорошо знаком, так что, может быть, мы сумеем договориться.

– А зачем тебе надо в покой Корхаса? – спросила Джайла, пристально глядя на киммерийца.- Ты не похож на обычновенного воришку, хотя я и застала тебя у моего ларца.

– Я ищу одну шкатулку,- признался Конан, испытывая необъяснимое доверие к этой девушке.- В ней находится амулет, принадлежащий моему другу. Ты что-нибудь слышала о нем?

Джайла отрицательно покачала головой.

– Корхас ничего мне не рассказывает,- горько усмехнулась она.- Похоже, он собирается всю жизнь держать меня взаперти. Но выбора у меня нет.

– Выбор у тебя будет,- пообещал Конан.- Но ты должна нам помочь. Скажи, в какую дверь входят рабыни?

– В ту же, что и ты. Только открывают они ее не кинжалом, а ключом, который хранится у старшей рабыни. Она предана Корхасу и постоянно следит за мной,- ответила Джайла.- В любой момент может появиться. Лучше б ты поторопился.

– Так ты даже на улицу не выходишь? – удивился Конан.

– Выхожу. Тут есть еще одна дверь.- Она указала на темный, закрытый шторой альков.- Ко мне присыпают Грула, старшего слугу и верного прихвостня Корхаса, и он ведет меня по каким-то узким, темным коридорам мимо кладовых во внутренний двор.

– Мимо кладовых,- задумчиво повторил Конан.- Это хорошо. Послушай, Джайла, ты не будешь против, если в твоей комнате совсем недолго постоит один симпатичный сундук? Его доставят сюда завтра утром.

– Утром мы с Корхасом едем в храм Митры на свадебную церемонию,- печально проговорила Джайла.- А сундук, я думаю, мне мешать не будет.

– Ты умница,- Конан обнял девушку и поцеловал в губы.- А теперь мне пора. Увидимся завтра.- Он направился к алькову.- Я выйду через эту дверь. Мне надо заглянуть в одну кладовую.- И киммериец принялся ковырять замок потайной двери в алькове.

– Сколько раз приходит Грул? – спросил он.

– Один,- коротко ответила Джайла.- В полдень.

– Очень хорошо.- Конан наконец открыл дверь и, посмотрев на

Джайлу, улыбнулся.- Значит, сегодня он уже не придет, а завтра... А завтра все изменится. В общем, я оставлю эту дверь незапертой. Ничего не бойся. Все будет хорошо.

Джайла молча кивнула, и Конан, махнув ей на прощание рукой, вышел в узкий полутемный коридор и двинулся вперед. Завернув за угол, киммериец увидел вход на кухню, на этот раз там было темно и тихо.

«Прямо не дом, а лабиринт какой-то! – подумал Конан, сворачивая в следующий коридор,- Наверняка, тут и подземный ход есть, а может, и не один!» Внезапно где-то совсем близко раздались голоса. Киммериец сделал еще несколько шагов вперед и, заглянув за очередной угол, увидел в конце узенького коридорчика распахнутую дверь комнаты для слуг. Ее обитатели, расположившись за длинным широким столом, весело болтали. Во главе стола лицом к двери сидел Грул. Конан присел на корточки и стал ждать подходящего момента, чтобы проскочить освещенный отрезок коридора. Время от времени он осторожно выглядывал из-за угла, но картина не менялась – Грул все так же сидел лицом к двери, с кривой усмешкой слушая пустую болтовню слуг. Конан огляделся, но, не найдя ничего подходящего, извлек из пояса золотую монету и, когда Грул скосил глаза в сторону одного из болтунов, ухитрился бросить монету так, что она, описав в воздухе дугу, шлепнулась на середину стола.

Слуги разом затихли, изумленно уставившись на золото,- этого мгновения Конану хватило, чтобы невидимой тенью скользнуть вперед, туда, где коридор был совсем темным. Бесшумно ступая, киммериец зорко вглядывался в темноту, пытаясь отыскать дорогу к кладовым, но пока не видел ни дверей, ни поворотов.

– Она что, с неба упала? – донеслось вдруг из комнаты слуг.

– С какого неба, дурак? Ее кто-то кинул из коридора!

Конан узнал голос Грула и, ускорив шаг, нашел наконец какую-то незапертую дверь. Киммериец быстро шагнул внутрь и оказался в полутемной, освещенной лишь догорающим факелом проходной комнате. Здесь ничего интересного не было, и Конан, не задерживаясь, стремительно пересек ее и очутился в следующем коридоре. Он уже начал терять терпение, проклиная этот бесконечный и запутанный дом, как вдруг увидел три одинаковые двери, закрытые на массивные засовы. Кладовые!

Знакомый зеленый сундук Конан нашел лишь в третьей по счету кладовой. Постучав по крышке, северянин тихо позвал Бали, но ответа не последовало. Киммериец вытащил из пояса ключ и уже вставил его в замок, но в этот миг из дальнего угла раздался негромкий свист. Конан вскинул голову и увидел сидевшего на груде тряпья карлика. В неясном

свете, проникавшем в кладовую через узкие прорези в стенах коридора, киммериец заметил, что Бали мрачнее тучи.

– Я же просил отнести меня в кладовую со съестным! – прошипел он.- А здесь что? Я все перерыл, но, кроме старого барахла, ничего не нашел.

– Прости, Бали, так уж получилось,- виновато сказал Конан, сев на корточки рядом с малышом.- Сейчас посмотрим в других кладовых.

– Там тоже ничего нет,- грустно махнул рукой карлик.- Я это понял из разговоров слуг. А съестные припасы хранятся совсем в другом месте.

– Должно быть, рядом с кухней,- сказал Конан.- Но сейчас туда лучше не соваться. Ты уж потерпи до утра. А я тебе расскажу, что мне удалось узнать.

И киммериец подробно рассказал Бали об охраннике-убийце Ульсаре, о разговоре с невестой Корхаса Джайлой и о своих планах на завтра. Переговорив обо всем, Конан простился с малышом и, выйдя из кладовой, закрыл ее дверь на тяжелый засов.

Благополучно добравшись до своей комнаты, киммериец распахнул дверь и облегченно вздохнул.

Замиля мирно спала в его кровати.

* * *

С раннего утра дом уже гудел, как потревоженный улей. Повсюду носились слуги: перетаскивали мебель, выколачивали ковры, натирали до блеска дверные ручки. Празднично одетый Корхас, со свежевыбритым лицом и умащенным волосами, расхаживал по дому, заглядывая в каждый уголок и покрикивая на нерасторопную челясть.

Довольно невежливо выпроводив из своей комнаты Замилю, которая совершенно не помнила, что было ночью, Конан оделся и вышел во двор – там тоже царила, предпраздничная суeta. Он увидел длинную вереницу столов, расставленных между раскидистыми платанами. Густые кроны деревьев образовывали шатер, надежно защищавший от палящего солнца.

– А, киммериец, ты-то мне и нужен,- раздалось позади Конана. Обернувшись, киммериец увидел спешащего к нему Корхаса.- Сегодня для тебя найдется работенка. Не беспокойся, я заплачу как следует.

– Что я должен делать? – спросил Конан, бесстрастно глядя на хозяина.

– В первую очередь – обеспечить порядок. Ты сам видел, сколько неприятностей стряслось за эти дни! А сегодня гостей будет чуть ли не в десять раз больше – скучать тебе не придется. Мои охранники, конечно, тоже будут начеку, но я не очень-то на них полагаюсь. Эти ленивые верблюды слишком привыкли бездельничать, ведь до сих пор в моем доме все было тихо и спокойно. Так что я надеюсь только на тебя, Конан.- Корхас впервые назвал киммерийца по имени, видимо, желая подчеркнуть, какое высокое доверие оказано варвару.

– Понятно,- коротко ответил Конан. Ему не хотелось расспрашивать хозяина – все и так было ясно. Оставалось только ждать развязки.

– Скоро мы с невестой поедем в храм Митры. Там соберутся высокие гости, которые оказали мне честь присутствовать на свадьбе,- с важным видом сказал Корхас, заложив руки за шитый золотом кушак.- За старшего в доме я оставляю тебя.

– Не думаю, что это понравится твоим слугам. Они же меня совсем не знают,- пожал плечами Конан.- А тем более твоим друзьям – те меня просто ненавидят.

– Мои друзья поедут со мной в храм. А слугам я скажу, чтобы слушались тебя беспрекословно,- поспешил сказать Корхас и повернулся к фургону.- Теперь о балаганщиках. Проследи, чтобы они не напились перед представлением и вообще вели себя смирно. Уж больно беспокойный народ! Давай-ка сходим к ним.

«И чего он прикидывается? – думал Конан, идя вслед за хозяином.- Ведь знает, что я уже обо всем догадался, и все равно пытается меня перехитрить. Зря стараешься, Корхас! Тебе конец».

Хозяин подошел к сараю и распахнул дверь.

– Ну что, лицедеи-фокусники, шуты недорезанные, проснулись? – громогласно спросил он, остановившись на пороге.- Готовы?

Ответом ему был нестройный хор сонных голосов. Лицедеи, потягиваясь и потирая заспанные глаза, один за другим поднимались с соломенных туфяков.

– Опять всю ночь веселились? Смотрите, чтоб к началу праздника все было в порядке! И не забудьте замазать свои синяки – ни к чему портить гостям настроение! А где карлик?

Силач бросил взгляд на Конана, и тот кивнул, давая понять, что все в порядке.

– Да этот придурок еще вчера ушел,- пробасил великан, едва скрывая радостную улыбку.- Сказал, что обиделся на тебя, хозяин, за то, что его позвали обедать, а ты прогнал его из-за стола.

– Вот как? – растерявшись, пробормотал Корхас.

– Так он и сказал,- вступил в разговор рыжий шут.- Пусть, говорит, Корхас катится в задницу к Нергалу! Ноги моей не будет в этом доме! Мы стали его утешать, так он и нас всех послал туда же. Собрал вещички и ушел.

– А карлик говорил, что он наследный принц? – осторожно спросил Корхас.

– А как же! – Рыжий шут засмеялся звонким смехом.- Он это всем говорит. Но мы-то знаем, что Бали просто немного тронутый, поэтому и не спорим. Так он совсем заважничал!

– Ну, ладно,- махнул рукой слегка успокоенный Корхас.- Мне пора идти. Если что понадобится – обращайтесь вот к нему.- И он указал на стоявшего у дверей Конана.

Балаганщики дружно повернулись к киммерийцу.

– Хорошо, хозяин,- кивнул силач.- Только скажи ему, чтобы нам дали вина – взбодриться перед представлением. А больше нам ничего не надо.

– Так и быть,- благодушно кивнул Корхас. – Только немного.

Он не спеша вышел из сарая, кивнув Конану, чтобы тот следовал за ним, но киммериец чуть-чуть задержался на пороге.

– Вам привет от Бали Маракуды! – шепнул он и увидел, как лица балаганщиков расплылись в улыбке.

Конан догнал хозяина, и они вместе пошли по двору, заглядывая во все сараи и конюшни подряд. Потом Корхас кликнул слуг и объявил им, что на время его отсутствия киммериец остается в доме за старшего. Напоследок он показал Конану винный погреб, размеры которого вызвали неподдельное восхищение киммерийца.

Затем Корхас заторопился и, сказав, что его ждет невеста, исчез, а Конан вышел во двор, чтобы посмотреть на торжественный отъезд хозяина. Он присел на широкую скамью в тени дома и стал размышлять о странном поведении Корхаса.

Несомненно, хозяин готовил ему ловушку. «Варвар пока мне нужен,- вспомнил Конан подслушанный разговор.- Он, сам того не желая, сослужит мне хорошую службу...»

Размышления киммерийца прервал шум голосов – на крыльце высыпали гости. Вскоре появился и хозяин с невестой, лицо которой было почти полностью скрыто белым шелковым платком. Они сели в украшенную цветами и лентами повозку, гости вскочили на коней, и процессия тронулась.

Когда ворота за свадебным кортежем закрылись, Конан вошел в дом,

решив, что для начала стоит немного перекусить и выпить. Он заглянул в залу, но стол был пуст, и киммериец отправился на кухню, откуда по всему дому разносились умопомрачительные ароматы готовящихся к пиршеству блюд.

Из широкой двери кухни валили густые клубы дыма, и, переступив порог, Конан двинулся дальше на ощупь, так как из-за чадящих и кипящих чанов, котлов, горшков и сковород было почти ничего не видно.

– Эй, кто тут старший? – крикнул он, но ответа не дождался – его вопрос потонул в гуле голосов, грохоте посуды, шипении раскаленного масла и бульканье котлов.

Набрав в грудь побольше воздуха, Конан рявкнул во всю глотку:

– Кром! Где старший повар?

В тот же миг чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. Обернувшись, киммериец увидел невероятных размеров тушу с красным, лоснящимся от пота лицом.

– Ну, чего орешь? – грозно спросила туша, помахивая увесистым медным черпаком перед носом Конана.- Ну, я старший повар. И что?

– А я сейчас старший во всем доме. Хозяин должен был сказать...- начал Конан.

– Знаю! – сурово оборвала его туша.- Чего тебе надо?

– Проверяю, все ли в порядке,- сквозь зубы прошел Конан, разозлившись на повара за столь неласковый прием.

– Проверил?

– Нет еще. Я должен попробовать всё, чтобы узнать, как приготовлены кушанья,- как можно более внушительно произнес Конан,- И все вина тоже.

– Что?! – вскипал старший повар.- Когда это мои блюда были приготовлены плохо? Я – Булдар, старший повар. Я много лет готовлю хозяину, и он всегда был мной доволен! А тут приходит какой-то болван и начинает меня оскорблять!

– Я не говорил, что ты плохо готовишь,- пожал плечами Конан.- Но хозяин велел проверить все. Ведь ты слышал, какие у него будут гости! Так что я выполняю его приказ, а если тебе это не нравится, разбирайся с ним сам.

Повар пожевал губами, что, скорее всего, означало напряженную работу мысли.

– Ладно,- наконец кивнул он,- Иди в столовую, сейчас принесут.

Конан двинулся сквозь кухонный чад в направлении, указанном старшим поваром. Обходя огромную раскаленную жаровню, он едва не

столкнулся со слугой, еле тащившим большой медный котел, из-под крышки которого вырывались клубы пара. Отскочив в сторону, чтобы не ошпариться, Конан успел лишь мельком взглянуть на работника, тотчас исчезнувшего в пелене дыма и пара, но киммерийцу показалось, что он уже видел его раньше, и хотя лица разглядеть не удалось, во всем облике слуги было что-то неуловимо знакомое.

Конан пошел дальше и вскоре увидел распахнутую дверь, ведущую в столовую. Войдя в полутемное помещение, он тут же узнал комнату, в которой вчера вечером сидели слуги, так и не догадавшиеся, откуда к ним на стол свалилась золотая монета.

Конан уселся на грубо сколоченную скамью и стал ждать. Вскоре один за другим вошли четверо слуг, каждый из которых нес по огромному подносу, уставленному яствами и напитками. Старший повар Булдар явно переусердствовал, выполняя приказ хозяина,- еды Конану принесли столько, что один он бы и до вечера не управился.

– Кром! Жаль, что малыша Бали здесь нет! – сказал Конан, приступая к трапезе.

– Почему это нет? – раздался из-под стола знакомый голос. – Я всегда там, где надо!

Малыш вылез из-под стола, забрался Конану на колени и окинул стол приидчивым взглядом.

– Ты как здесь оказался? – шепотом спросил киммериец,- Тебя же могут застукать!

– Не успеют,- с набитым ртом пробурчал Бали, приступивший к поглощению блюд.- Тут и так еды на один зуб, а еще с тобой придется делиться!

– Да уж сделай одолжение, поделись, приятель,- усмехнулся киммериец.- У меня сегодня будет тяжелый день.

– Быстро разделавшись с большей частью кушаний, карлик великодушно уступил Конану остатки и, выпив кувшин вина, спрыгнул на пол.

– А попал я сюда вот как,- повеселев, сказал малыш.- В стене кладовой, где я сидел, есть дыра, заставленная ящиками. Наверное, слуги, вытащив несколько кирпичей, сделали себе лазейку, чтобы воровать съестное. Я пролез через эту нору и оказался в комнате для слуг. Там никого не было – должно быть, они сегодня с утра носятся по всему дому как угорелые. Потом я пробрался сюда, надеясь, что стяну что-нибудь на кухне, и вдруг слышу – кто-то идет. Я спрятался под стол и стал ждать, что будет дальше. Остальное ты знаешь,

– Да уж,- вздохнул Конан, глядя на оставленные ему крохи.- Ну ладно, Бали, дуй назад. Вокруг полно народа, сам знаешь, если тебя кто-нибудь заметит, дело будет плохо. Залезай в сундук и жди, пока я не выясню, какую ловушку приготовил нам Корхас.

Бали Маракуда кивнул и скрылся за одной из дверей, а Конан закончил завтракать и поднялся из-за стола. Но не успел он дойти до кухни, как навстречу ему выплыл старший повар Булдар, на лоснящейся физиономии которого застыла презрительная усмешка.

– Ну что, справился с приказом хозяина? – ехидно спросил он.- Все попробовал?

– Конечно,- ответил Конан.- Если только ты что-нибудь не утаил от меня.

Продолжая ухмыляться, Булдар посмотрел на стол и, увидев, что там не осталось ни крошки, разинул рот и захлопал глазами.

– Все в порядке,- усмехнулся Конан, снисходительно похлопав повара по плечу.- Так и доложу хозяину!

Теперь Булдар глядел на киммерийца с уважением.

– Если хочешь, я велю принести еще,- предложил он.

– Нет, спасибо,- ответил Конан.- У меня еще много дел.

Он вышел из столовой в коридор, который по случаю торжества был ярко освещен, и увидел Грула, неторопливо шедшего ему навстречу.

– А почему ты не работаешь? – сурово спросил Конан.

– Я работаю,- возразил старший слуга.- Слежу, чтобы здесь не шатались посторонние.

– Понятно,- усмехнулся киммериец.- Ну хорошо, следи, не то хозяин тебе башку оторвет.

Оставив злобно шипящего ему вслед Грула, Конан миновал кладовые, свернул к лестнице, прошел по коридору и очутился в просторном зале, где велись последние приготовления к приему гостей. Слуги, одетые в парадную форму – в ярких жилетах и с круглыми шапочками на головах,- бесполково сутились, выискивая, что бы еще передвинуть или переложить.

Приметив рябого парня с глуповатым лицом, который, сидя на большом глиняном горшке, задумчиво ковырял в носу, Конан навис над лентяем грозной тучей.

– Ты что это бездельничаешь, ослиная башка? – спросил он сурово.

Парень нехотя прервал любимое занятие.

– Так уже больше нечего делать,- зевнув, пояснил он.

Как это нечего? – нахмурился Конан.- Дел еще по горло! Ты на чем

сидел?

– На горшке,- равнодушно ответил парень.

– А разве здесь горшку место? – возмутился киммериец.- Вдруг кто-нибудь из гостей о него споткнется?

– И чего? – тупо спросил парень.

– А то, что этот горшок должен стоять в кладовой, а не здесь на видном месте. Ну-ка живо тащи его туда! – приказал Конан.

Рябой взял злосчастную посудину и поплелся по коридору, а киммериец двинулся за ним. Дойдя до кладовых, слуга остановился и, поставив горшок на пол, вновь принял задумчиво ковырять в носу.

– Я что тебе велел? Поставить его в кладовую! – рявкнул Конан, подойдя к парню.- В эту!

Киммериец открыл тяжелый засов. Парень покорно поднял горшок и поставил его в угол каморки. Он уже повернулся, чтобы выйти из кладовой, но Конан остановил его.

– А почему здесь этот ящик? – недовольно спросил он и, подойдя к зеленому сундуку, похлопал рукой по обитой железом крышке.- Какой тупорылый болван притащил его сюда? Ты хоть знаешь, что в нем?

– Нет,- зевнув, ответил парень.

– В нем благовония для покоев молодых в первую брачную ночь. И мази, которыми они будут натирать свои тела, прежде чем устремиться друг к другу в объятия.

– А-а...- с глупой улыбкой протянул слуга.

– Закрой рот и бери сундук! – приказал Конан.- Хозяин голову тебе оторвет, если узнает, что благовониями решили пропитать кладовую с хламом, а не брачное ложе.

– Куда нести? – спросил парень, выйдя с сундуком из кладовой.

– Я покажу.- Конан закрыл дверь и направился в сторону кухни.- Иди за мной!

Он вышел в знакомый коридор, миновал столовую для слуг и кухню и остановился, указывая рябому парню путь вперед.

– Иди прямо, потом повернешь направо,- негромко произнес Конан.- А там уже иди до конца. Пока не упрешься в стену.

– И чего? – хлопал глазами слуга.

– Да ничего. Поставь его там и бегом назад.

Шмыгнув носом, парень пошел, куда послали, а Конан притаился за выступом и стал наблюдать.

– Эй, Дундар! – раздался вдруг голос Грула.- Чего это ты тащишь?

– Не видишь – сундук! – не останавливаясь, ответил Дундар.

– А куда? – Грул выскочил из столовой и рванулся за ним.

– Куда велено.

– А что в нем?

– Что надо.

– Ну-ка, постой! – Грул догнал рябого и преградил ему дорогу.- Дай я посмотрю, что там!

– Нельзя,- ответил Дундар и, поставив сундук на пол, неожиданно толкнул Грула в грудь с такой силой, что тот упал как подкошенный, ударившись головой о каменный пол.

Подняв сундук, Дундар невозмутимо двинулся дальше, даже не глянув на неподвижно лежавшего Грула.

«Молодец, парень! – решил Конан.- И от дураков иногда бывает польза».

Он нетерпеливо ждал возвращения Дундара и облегченно вздохнул, увидев, как из-за поворота показалась его рябая физиономия. Дундар подошел к распростертому на полу Грулу и вновь принялся ковырять в носу. Затем он внезапно нагнулся и, подхватив старшего слугу за ноги, поволок его по коридору.

Конан спрятался в нише и стал ждать, что будет дальше. Дундар подтащил Грула к кладовой, в которую только что доставил горшок, и открыл засов. Подкравшись поближе, Конан увидел, как Дундар запихнул старшего слугу внутрь, а затем взял тот самый горшок и нахлобучил ему на голову.

– Что это ты делаешь? – не удержавшись, поинтересовался киммериец.

– Он плохой,- невозмутимо ответил парень.- Он взял себе золотую монету, которая вчера упала с неба. Может быть, Митра послал ее именно мне?

– А ты посмотри у него в поясе,- посоветовал Конан.- Конечно, она предназначалась тебе.

Дундар нагнулся и, пошарив в поясе, извлек оттуда несколько золотых монет.

– Тут их много! – удивился он.

– Митра щедр,- улыбнулся Конан.- Он вознаграждает тебя за труды.

* * *

Выйдя в главный коридор, киммериец увидел двух, вооруженных кривыми саблями и кинжалами охранников. Они, развались, сидели в креслах напротив лестницы и прихлебывали из кувшинов вино. Конан молча прошел мимо, спиной ощущая их колючие взгляды. Во дворе он столкнулся еще с двумя, которые, заметив киммерийца, тотчас умолкли.

«Кром! Похоже, мне теперь и шагу не сделать без того, чтобы не наткнуться на хозяйских псов,- с досадой подумал Конан.- И откуда они только взялись? Конечно, у Корхаса есть охрана, но до сих пор никто из этих шакалов не показывался, разве что Ульсар. Знать бы, где он сейчас!» Киммериец неторопливо побрел по двору, заметив краем глаза, что стоявшие на крыльце охранники двинулись за ним. Делая вид, что следит за порядком, Конан дошел до задней стороны дома, и тут навстречу ему из-за угла вынырнули еще два вооруженных головореза.

«Значит, хозяин велел не пускать меня на ту половину дома,- подумал киммериец.- Выходит, туда-то мне и надо».

Конан решил повернуть обратно, но тут взгляд его упал на фургон лицедеев, и в голову ему пришла неплохая мысль.

– Эй, Нергаловы дети, вы опять пьяные, что ли? – громко крикнул он, подходя ближе к фургону.

Лицедеи, украшавшие помост гирляндами из бумажных цветов, недоуменно поглядели на Конана.

– А вот я сейчас проверю, готовы ли вы к представлению! – суровым голосом продолжал киммериец, заметив, что охранники внимательно наблюдают за этой сценой.- А ну-ка, давайте показывайте ваши номера! И предупреждаю, если что-то не так, я лично поотрываю ваши ослиные головы!

Первым догадался рыжий шут. Толкнув в бок замершего с разинутым ртом силача, он состроил немыслимо смешную рожу и колесом покатился по двору. За ним ринулся фокусник, размахивая длинной, сверкающей на солнце шпагой, которую он тут же с размаху вонзил в задницу шута.

– Ой-ой-ой! – заверещал шут, бегая с торчавшей из него хвостом железкой вокруг охранников.- Убили! Зарезали!

Охранники растерялись от неожиданности. Сновавшие неподалеку с подносами в руках слуги и рабыни сначала замерли, а потом самые любопытные с опаской начали подходить ближе, образовав вокруг лицедеев плотное кольцо.

Между тем на арене разгорались страсти. В воздухе замелькали горящие факелы. Лицедей ловко жонглировал ими перед самым носом

рослого охранника, а тот даже шелохнуться не смел от страха. Силач вынес скамью и, поставив на нее двух акробатов, усадил рядом с ними четверых охранников, поднял скамью высоко над головой и закружился по арене. Один из охранников свалился и завыл от боли, а остальные, закрыв от ужаса глаза, судорожно вцепились в скамью.

Воспользовавшись суматохой, Конан незаметно отходил к дому. Убедившись, что поблизости никого нет, киммериец в несколько прыжков добежал до двери и бесшумно проскользнул внутрь.

Как и в прошлый раз, там было темно – лишь узкая полоска света падала на пол. Осторожно приблизившись к небольшой двери, Конан прислушался – оттуда не доносилось ни звука. Он нагнулся, чтобы посмотреть в замочную скважину, но ничего не увидел – должно быть, изнутри вставили ключ.

«Если Ульсар там – я с ним разделяюсь,– подумал Конан.– И тогда уже никто не помешает Бали...»

Но он так и не успел открыть дверь. Удар, обрушившийся на его голову, вызвал сначала вспышку пламени, а затем погрузил в тягучую, вязкую пустоту.

* * *

– Эй, Конан, очнись!

Сознание возвращалось медленно. Сначала киммериец не видел ничего, кроме мрака, но затем смутно различил склонившееся над ним лицо.

– Кто ты? – с трудом разлепив губы, спросил он.

– Кушар,– отозвался голос.– Вставай, простудишься – пол-то холодный.

Конан с трудом приподнялся, недоумевая, откуда здесь мог взяться Кушар, которого он несколько дней назад провел в Аренджун под видом погонщика верблюдов. Правда, любитель потрошить караваны намекал, что в городе будто бы наклевывается заманчивое дельце. Значит, он тоже хотел попасть в дом Корхаса. Видно, он уже давно притягивает мошенников всех мастей!

– Это ты меня стукнул? – хмуро спросил Конан, оглядываясь по сторонам. Дверь комнаты, в которую он так стремился, была чуть приоткрыта; оттуда сочился неровный свет.

– Да ты что, приятель? – обиделся Кушар.- Я стукнул не тебя, а вот этого.- Он распахнул дверь пошире, и Конан увидел неподвижно лежавшего на полу Ульсара.- Уж не знаю, кто он такой, но мне очень не понравилось, как он с тобой обращался.

– Ты правильно сделал,- кивнул Конан.- Теперь его надо оттащить куда-нибудь подальше.

Связав Ульсара и сунув ему в рот кляп, Кушар и Конан отнесли верного слугу Корхаса в самый конец коридора, заканчивавшегося тупиком.

Только тут Конан заметил, что на его старом приятеле засаленная одежда кухонного работника, а его голову украшает криво нахлобученный поварской колпак.

– Так это с тобой я столкнулся сегодня на кухне? – спросил киммериец.- То-то мне показалось, фигура знакомая...

– Со мной,- усмехнулся Кушар.- Я со вчерашнего дня тут работаю. Веселенькое местечко!

Они вошли в комнату и заперли дверь.

– Ну и как же ты сюда попал? – спросил Конан, внимательно оглядывая каждый уголок длинной узкой комнаты с несколькими нишами и альковом.

– Один мой приятель в Аренджуне познакомил меня со своим племянником, который работает в этом доме,- отозвался Кушар, обшаривая комнату глазами,- От него-то я и узнал, что на время свадьбы требуются дополнительные работники. Он привел меня сюда и сказал, что я его брат. Теперь я таскаю котлы и выношу отходы свиньям.

– Так ты Ульсара котлом стукнул или мешком с отходами? – поинтересовался Конан.

– Ну, нет,- усмехнулся Кушар.- Я хорошо подготовился, прежде чем устроиться на эту работу.- И он извлек из-за пазухи увесистую гирьку, узкий нож и какой-то мешочек.- Я собирался пошарить по дому. Корхас ведь сказочно богат – думаю, тебе это известно не хуже меня. Мне удалось узнать, куда ведут некоторые двери и коридоры. Но сегодня дом полон охранников, просто никуда не сунуться. Вот я и решил, что им пора отдохнуть. Принес этим дурням вина, сказав, что меня послал старший повар. Болваны, ничего не подозревая, набросились на пойло, а теперь, должно быть, сладко спят – ведь я подсыпал им снотворного.

– Сколько всего охранников? – спросил Конан.

– Я насчитал шестерых: двое в главном коридоре у лестницы, двое у дверей покоев Корхаса и двое на той стороне дома, где комната невесты,- охотно ответил Кушар, тихонько простукивая рукояткой ножа стены

комнаты.- Каждому из них я принес кувшин вина, а сам, пока они пили, решил проверить, куда ведет этот темный коридор. Я вышел с отходами через заднюю дверь кухни и пробрался сюда. Вдруг выходит твой знакомый с мечом в руках – наверное, услышал, что кто-то крадется по коридору,- а тут как раз скрипнула дверь, ведущая на улицу. Этот тип затаился в темноте, как хищник, а я стоял совсем рядом и боялся дышать. Вижу, с улицы кто-то проскочил в коридор, но так быстро, что я тебя не узнал. Слыши, этот громила треснул тебя по голове, ну и я решил поступить с ним так же. Он склонился над тобой и так сопел, что я с первого раза в полной темноте попал ему по черепу. Потом я открыл дверь комнаты и вижу, что тот, кого он угостил рукояткой меча,- мой приятель Конан-киммериец.

* * *

– Мне на удивление везет в этом доме,- заметил Конан, ковыряя ножом замок двери в алькове.- Почти ничего не приходится делать самому.

– У тебя еще все впереди,- усмехнулся Кушар.- Если, конечно, ты задержишься в этом осином гнезде.

– Лично я хочу смыться сегодня же, правда, надо успеть здесь все хорошенько обшарить. Кое-что мне уже удалось раздобыть, вот смотри! – И он вытащил из-за пояса два небольших, но туго набитых мешочка,- Я еще не смотрел, что там внутри, но надеюсь...

– Ключи там есть? – отрывисто спросил Конан.

– Есть! – радостно воскликнул Кушар, сунув руку в один из мешочеков.

– Давай сюда! – Схватив связку, Конан начал поочередно пробовать ключи, пока один из них не отпер замок.

Открыв дверь, киммериец попал в узенький темный коридорчик, в конце которого виднелась еще одна дверь. Подойдя к ней, он вновь стал искать нужный ключ.

– Прямо паутина какая-то, а не дом,- ворчал Кушар, дыша Конану в затылок.- Убьют, так кричи – не кричи, никто не услышит. Кстати, я слышал, тут уже кого-то убили!

– Пятерых гостей,- сказал Конан, поворачивая ключ в замке.- А шестым покойником, скорее всего, собираются сделать меня. Правда, не пойму, за что, но постараюсь выяснить и объяснить Корхасу, что он ошибся в выборе.

Киммериец открыл дверь и замер на пороге. Комната, представшая перед его взором, поражала роскошью и великолепием – богатые пушистые ковры, инкрустированная мебель и золото, везде золото. От подсвечников до массивных, украшенных драгоценными камнями, рам, окаймлявших огромные серебряные зеркала. Изящные стрельчатые окна выходили во внутренний дворик, в центре которого был фонтан в виде маленького золотого дельфина. Под затейливо подстриженными декоративными деревьями стояли плетеные кресла; на небольшом возвышении устроилась крошечная бамбуковая беседка с овальным входом и круглым столиком внутри.

Конан лишь на мгновение задержал взгляд на этой красоте, с легкой грустью вспомнив рассказ Джайлса о том, что ее водят сюда гулять только один раз в день. Но сейчас было не до воспоминаний. Внимательно оглядев комнату, киммериец понял, что это покой Корхаса.

– Ничего себе! – присвистнул Кушар, рассматривая золотой подсвечник.- Ну и добра тут! – И сунул его за пазуху.

– Бали! – негромко позвал Конан.- Ты здесь?

Расшитая золотом штора зашевелилась, и из ниши высунулась всклокоченная голова карлика. Малыш недоверчиво взглянул на Кушара и тут же скрылся.

– Не бойся, Бали,- сказал Конан, подходя к нише.- Это свой человек. Он только что вырвал меня из лап одного ублюдка.

– Ничего я не боюсь,- буркнул карлик, брякая чем-то за шторой.- Лучше помоги мне.

Конан откинул штору и увидел огромный, необыкновенной красоты ларец, украшенный большими, мерцающими загадочным светом, рубинами.

– Молодец! – похвалил карлика киммериец, взял в руки ларец и чуть не согнулся под его тяжестью.- Ого! Да этого нам на всю жизнь хватит!

– И не надейся,- отрезал карлик.- Отнеси это в мой сундук. Это драгоценности моей семьи! А тебе, пожалуй, гораздо интереснее будет вот это.- И он протянул Конану маленькую шкатулку.

Замок в ней был уже взломан, и киммериец, откинув крышку, увидел на обитом пурпурным бархатом дне желтоватый свиток. Взяв его в руки, Конан удивленно взглянул на карлика.

– Что это? – Развернув свиток, киммериец увидел, что это письмо, адресованное Корхасу.- Бали Маракуда, объясни, что происходит! Ты нашел амулет?

– Я нашел здесь очень много интересного,- сухо ответил карлик, не

глядя на Конана.- Например, тайник Корхаса. Бьюсь об заклад, ты бы никогда его не отыскал,- уж больно хитро этот прохвост все устроил! В тайнике были драгоценности нашего рода, даже бриллиантовая брошь, которую я носил в детстве. Но амулета здесь нет.

– Не переживай, Бали, поищем в других местах...- начал было Конан.

– Заткнись! – грубо оборвал его карлик.- Лучше закрой за мной дверь. Я возвращаюсь в сундук.

Взяв ларец, Конан прошел за малышом в комнату Джайлзы. Сундук стоял в темной зашторенной нише, поверх него лежали вышитые коврики, а рядом стояло несколько корзин с рукоделием.

– И долго ты собрался здесь сидеть? – спросил киммериец.- Окопался так, что ни одна собака не найдет!

Карлик молча протолкнул ларец через боковую стенку сундука, затем залез сам.

– Прочти письмо! Если понадобится моя помощь – ты знаешь, где меня искать.- С этими словами он захлопнул стенку и затих.

Пожав плечами, Конан вышел из комнаты и, закрыв дверь на засов, подошел к кровати Корхаса, на которой валялась деревянная шкатулка. Вытащив свиток, Конан развернул его и принялся читать:

«Дорогой Корхас! Ты знаешь, я всегда относился к тебе, как к сыну. Я очень радуюсь твоим успехам и горжусь тобой. Помнишь, когда ты был совсем юным и вечно голодным, мы носились на лихих конях по чужим землям, рубя головы всем, кто становился на нашем пути? Теперь все позади, ты стал богатым и уважаемым человеком, тем обиднее, что на твоем пути опять возникают досадные помехи. Я знаю, какие надежды ты возлагаешь на эту свадьбу, и постараюсь тебе помочь. Я посылаю к тебе с караваном одного человека. Его зовут Конан, он киммериец – известный вор и разбойник, поймать которого давно мечтает аренджунская стража. Пригрей его в своем доме, не жалей для него еды и вина и сделай вид, что доверяешь ему.

А потом свали на него убийство главного казначея, ограбление государственной казны, да и все остальное, что только захочешь. Лучше всего сделать это в день свадьбы, когда в твоем доме соберутся все главные шишки Аренджуна. Ты выдашь им преступника, а уж они этого не забудут, поверь мне! Так что дорога наверх тебе открыта.

Можешь считать, что это и есть мой свадебный подарок. Но не думай, что твой дядя так скончался, – посылаю в придачу еще и волшебный амулет, который я в свое время позаимствовал у одного вендейского царька, сняв

его голову с плеч. Ты ведь помнишь тот поход? Много лет я пытался понять, как им пользоваться, но так и не смог. Однако, как я слышал, сила у этого амулета необыкновенная. Может, ты найдешь какого-нибудь колдуна или чернокнижника, который тебе поможет?

А от жены своей постайся поскорее избавиться. Она хоть и красивая, да счастья тебе с ней не будет – Джайла тебя погубит. Слишком умная для женщины, наверняка догадывается, кто прикончил ее папашу. Подсыпь ей какого-нибудь яду – и дело с концом. Главное – породниться с ее благородным семейством.

В помощь посылаю тебе Ульсара, ты его прекрасно знаешь. И еще один совет: сейчас дружки твои стали для тебя опасны, так что избавься от них, не то спьяну сболтнут про наши прежние подвиги. Дружить ты теперь будешь с другими людьми, за них и держись.

Твой старый мудрый дядя Бешмет».

Конан скомкал письмо в руках.

– Так я и знал,- усмехнулся он.- Ведь я догадывался, что меня хотят подставить, но все же не думал, что так подло... Кушар! – крикнул он приятелю, продолжавшему сгребать за пазуху золотые побрякушки.- Тебе не пора возвращаться на кухню?

– Давно пора,- пробормотал Кушар, пытаясь утрамбовать свой разбухший до невероятных размеров живот.- Да только жаль бросать столько добра!

– Не жадничай, этого хватит на десять жизней! – Конан взглянул на приятеля и с трудом удержался от смеха,- Нет уж, в таком виде не стоит возвращаться на кухню. Отсидись-ка ты лучше в одном укромном месте, я покажу, где. Там как раз скучает один парень с горшком на голове, так что заодно и за ним присмотришь, а то он по глупости может поднять шум. Годится?

– Конечно, Конан,- кивнул Кушар.- Я и сам боюсь идти на кухню – этот людоед Булдар сожрет меня вместе с этим золотом и не подавится.

Конан, направившийся было к двери, резко обернулся.

– Так Булдар действительно людоед?

– Не знаю, так говорят. Не хочу я, Конан, разбираться, кто тут людоед, а кто просто убийца. Я свое получил, и теперь мне тут нечего делать.

– Рад за тебя,- рассеянно пробормотал Конан, приблизившись к главному выходу из покоев.- Нам надо выйти через эту дверь. Будем надеяться, что твое сноторное на охранников подействовало.

Конан вставил ключ в замок и тихонько повернул его. Осторожно

открыв дверь, киммериец увидел свисавшую с кресла руку, рядом с которой валялся кувшин из-под вина. Киммериец махнул Кушару, и они вошли в коридор, где мирно спали охранники.

Конан не сразу сообразил, в какую сторону идти, но Кушар, дернув его за рукав, решительно пошел направо, а затем свернул за угол. Увидев знакомый коридор и двух крепко спящих у лестницы охранников, Конан внезапно понял, как надо действовать.

— Кушар,- шепотом сказал он.- Иди в кладовую, первую отсюда по счету. Я думаю, ты сможешь закрыть за собой засов изнутри, а потом точно так же открыть?

— Ты забыл, что я мастер по этой части? – усмехнулся Кушар, ласково поглаживая раздувшийся от золота засаленный кухонный халат.- Удачи тебе, Конан!

Преодолев лестницу в несколько прыжков, киммериец ворвался в свою комнату. Оглядевшись, он бросился к кровати, сунул руку под перину и тут же обнаружил то, что ожидал,- кожаный кошелек, туго набитый чем-то тяжелым. Торопливо развязав его, Конан высыпал содержимое на кровать. Тут были и золотые монеты, и драгоценные камни, и браслеты, и серьги... Внимание киммерийца привлекло массивное кольцо, показавшееся ему знакомым. Ну, конечно же! Это кольцо он видел на руке толстяка Турфа...

Тут же был золотой талисман на изящной цепочке, еще совсем недавно висевший на шее Манил-заки, и странной формы массивный перстень с печатью. Вглядевшись повнимательнее, киммериец догадался, что это перстень государственного казначея.

Рассматривать остальное не было времени. Конану подкинули все это, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что киммериец – вор и убийца, по которому давно тоскует веревка, а Корхас, который его разоблачил и поймал,- достойный уважения и награды гражданин славного города Аренджуна.

«Вот ловкач,- думал северянин, старательно обшаривая комнату в поисках других улик.- Хитро задумано, вот только не учли вы, безмозглые ослы, что имеете дело с Конаном-киммерийцем!»

Сунув руку за мраморную тумбу, он наткнулся на шкатулку и, вытащив ее оттуда, взломал замок кинжалом. На бархатном дне лежал свиток, Конан развернул его и принялся читать:

«Дорогой Корхас! Я рад, что ты женишься на достойной девушке, дочери нашего друга, за жизнь которого ты бился до последнего. Я горжусь тем, что ты вырос честным человеком, готовым не пожалеть жизни ради

блага своего государства. Я уже стар и не смогу приехать на твою свадьбу, но посылаю тебе, дорогой племянник, семейную реликвию – перстень, который носил еще твой прапрадед, благороднейший и честнейший человек. Будь и ты всегда таким, уважай закон, почитай правителей, помогай бедным и отстаивай правду.

Это письмо и перстень доставит тебе один человек, который вызвался сопровождать мой караван в Аренджун. Я его почти не знаю, но он произвел на меня впечатление человека порядочного и надежного. Зовут его Конан, он беден и согласен на любую работу. Приюти его у себя, ни в чем ему не оказывай и подыщи ему хорошую работу. Надеюсь, что он станет тебе верным помощником и другом.

Твой старый любящий дядя Бешмет».

На бархатном дне шкатулки лежал какой-то незатейливый перстень, но на него Конан не обратил внимания – такая же фальшивка, как и письмо, которое Корхас подготовил для своих высокопоставленных гостей. Наверняка он собирался привести сюда толпу свидетелей, и в первую очередь начальника аренджунской стражи Меджеда, чтобы, обыскав в их присутствии комнату, обнаружить и драгоценности и шкатулку.

– Кром! – заскрежетал зубами разъяренный киммериец.- Дураком меня считаете? Ну, теперь не жалуйтесь на судьбу!

Затолкав золото и драгоценности обратно в кошель, он сунул его за пазуху вместе со шкатулкой и письмом и стремительно вылетел из комнаты.

А тем временем во дворе уже начался праздник. Выбежав на крыльце, Конан увидел, как в широко распахнутые ворота величественно въезжала свадебная процессия. Впереди на белом коне ехал всадник в серебристом, ярко сверкающем на солнце костюме и громко трубил в затейливо изогнутый медный, начищенный до блеска рожок. За ним двигалась повозка новобрачных, украшенная цветами и развевающимися на ветру лентами. Раскрасневшийся самодовольный Корхас важно кивал челяди, выражавшей свой восторг и почтение громкими возгласами и рукоплесканиями, а вот сидевшая рядом Джайла, казалось, ничего вокруг себя не видела. Печальная, но необыкновенно прекрасная, она смотрела прямо перед собой, и на лице ее застыло выражение обреченности.

За повозкой ехали почетные гости, а за ними шла весело галдевшая празднично разодетая толпа. За толпой, состоявшей из достойных, по мнению Корхаса, горожан, во двор попытались проникнуть и горожане победнее, среди которых было немало оборванцев и нищих, но

привратники решительно преградили им дорогу, бесцеремонно захлопнув перед недостойными ворота.

Процессия остановилась в центре двора, и Корхас, встав во весь рост, начал произносить торжественную речь. Почетные гости, уже изрядно утомленные долгим свадебным шествием из храма, нетерпеливо ерзали в седлах и на сиденьях колясок, а те, что шли пешком, переминались с ноги на ногу, и все, вожделенно поглядывая на свадебный стол, глотали слюну.

Конан подошел к балаганщикам, что-то оживленно обсуждавшим позади своего фургона.

– Спасибо, что выручили,- негромко сказал он.- Мне нужно было избавиться от слежки, чтобы встретиться с Бали. Мне еще раз понадобится ваша помощь, правда, я пока не придумал, как это можно сделать.

– Ты только скажи нам, в чем дело, а мы уж сообразим,- отозвался силач,- Только давай отойдем подальше, а то сюда, кажется, уже идут.

Конан оглянулся и увидел шестерых охранников, направлявшихся к нему стремительным шагом. Видимо, спохватившись, что упустили киммерийца из виду во время представления, они бросились искать его, а сейчас, решив, что Конан у них в руках, они выхватили сабли и, злорадно ухмыляясь, окружали фургон. Похоже, хозяин приказал захлопнуть ловушку.

«Вот какое представление Корхас собирался показать своим гостям! – разозлился Конан.- Понравятся фокусы балаганщиков начальнику аренджунской стражи или нет, этого сына Нергала совершенно не волнует. Он ждет, что сейчас в присутствии важных персон будет разоблачен преступник, за голову которого ему отвалят немалую сумму, да еще и откроют доступ в свое общество. Бешмет прислал меня в качестве свадебного подарка – что ж, подарок Корхас получит, но только от меня лично! Это представление в Аренджуне запомнят надолго!»

– Мы уже все поняли Конан,- сказал фокусник, доставая из черного ящика волшебную палочку.- Сейчас я тебя прикрою.

Он взмахнул палочкой, и вдруг невесть откуда возникло множество сверкающих серебристых огней, образовавших плотную завесу, отделившую лицедеев от охранников.

Конан вынул из-за пазухи кошель с драгоценностями и шкатулкой и показал их силачу.

– Вот что они мне подсунули! Эти драгоценности сняты с гостей, которых убили в этом доме, а еще тут есть перстень государственного казначея – значит, Корхас действительно его убил. В этой шкатулке лежит письмо, написанное специально для того, чтобы все важные особы прочли

его и убедились, что Корхас – необыкновенно честный и благородный человек, а я втерся к нему в доверие, чтобы продолжать грабить и убивать всех подряд! Сейчас, по замыслу Корхаса, должно разыграться главное представление.- Конан замолчал и посмотрел на балаганщиков.- Ну, что скажете?

– Он хочет представление, и он его увидит,- с загадочным видом проговорил силач.- Мы с удовольствием покажем ему, на что способны. Проучим как следует этого негодяя!

– Мне надо идти,- сказал Конан.- В доме скрывается Бали, и мне надо помочь ему. Ну! Начинаем!

– Я провожу тебя,- И фокусник еще быстрее завертел волшебной палочкой, окружив сверкающим водоворотом себя и Конана.

Охранники, подобравшиеся уже совсем близко, растерянно топтались на месте, не видя ничего, кроме искрящегося вихря серебристых огней, который медленно плыл в сторону. Возле фургона осталось лишь несколько балаганщиков, старательно разминавшихся перед представлением.

Тяжело дыша, охранники злобно уставились на лицедеев, затем один из них, сообразив, что Конана здесь нет, повернул в сторону летящего по двору сверкающего смерча. Несколько мгновений он раздумывал, куда же все-таки бежать, и этого времени вполне хватило жонглеру, чтобы схватить с подставки горячие факелы и завертеть ими с бешеною скоростью. Теперь по двору плыли уже два искрящихся шара – один золотой, пылающий жаром, другой – серебряный, мерцающий холодным, как Млечный Путь, светом. Оба шара встретились, чтобы тотчас разойтись в разные стороны.

Почетные гости, сидевшие высоко в седлах своих коней, восторженно хлопали в ладоши, полагая, что это конец занудной речи Корхаса и теперь начнется праздник. Сам хозяин, заметив непонятное сверкание, подбоченился и с довольным видом глянул на приглашенных. «Молодцы балаганщики,- думал он.- Из кожи вон лезут, чтобы угодить мне. Стало быть, уважают. Скоро вся Замора будет меня уважать!»

Между тем шары продолжали уплывать в дальний угол двора, а к повозке новобрачных стало приближаться нечто другое, но не менее диковинное,- огромная живая пирамида: силач нес на высоко поднятых руках деревянную площадку, на которой стояли акробаты, а на их плечах жонглеры крутили руками и ногами блестящие обручи, разноцветные ленты и булавы. Толпа восторженно заухала, а пирамида, подойдя вплотную к коляске, внезапно рассыпалась. В воздухе замелькали упругие тела акробатов. Совершая невообразимо головокружительные прыжки с

переворотами, они один за другим очутились в повозке жениха. Осыпав новобрачных блестящей мишурой, акробаты нацепили на Корхаса пестрые гирлянды, отчего он стал похож на аляповатую цветочную клумбу, и вернулись на деревянную площадку, вновь образовав живую пирамиду.

Слегка смущенный, но очень гордый Корхас с важным видом поклонился гостям и вновь простер над толпой руку, намереваясь продолжить торжественную речь, но никто не хотел его слушать. Гости и слуги оживленно переговаривались: одни обсуждали предстоящие развлечения, другие – долгожданые угощения, трети – только что увиденное, а остальные просто потеряли терпение.

А между тем в дальнем углу двора разворачивались совсем другие события. Охранники, упорно преследовавшие серебристый шар, окружили его со всех сторон и, грозно замахав саблями, приказали ему остановиться. Шар подчинился, сверкающий водоворот замедлил движение, стал тускнеть, таять и вдруг исчез окончательно, а на его месте остался фокусник с синяком под глазом и черной палочкой в руках.

– В чем дело, уважаемые? – вежливо спросил он.- Хозяин просил нас развлекать гостей, вот мы и стараемся. Что-нибудь не так?

Прошипев проклятия, охранники бросили пожимавшего плечами фокусника и кинулись догонять золотой шар, который, покружиив немного у задней стены дома, неторопливо двинулся им навстречу.

– Прочь с дороги! – приказал шар, поравнявшись с охранниками.- Хозяин задницы вам оторвет, если увидит, что вы хотите испортить праздничное представление.

Охранники отпрянули и, переглянувшись, медленно побрали вслед за шаром.

А Конан уже шел по темному коридору, ища дверь, через которую можно было пробраться в хозяйски покои. Найдя ее наконец, киммериец собрался было открыть замок, как вдруг до его чуткого слуха донесся слабый шорох. Конан затаил дыхание, но не смог уловить больше ни единого звука. Постояв немного, он бесшумно двинулся в конец коридора, где должен был лежать Ульсар с кляпом во рту.

Но там никого не было.

Вытащив меч, Конан пошел обратно. До хозяйствских покоев оставалось лишь несколько шагов, когда киммериец остановился, всей кожей ощущая чье-то присутствие. Темнота была такой глубокой, что Конану стало казаться, будто он ослеп, а тишина такой мертвой, что у него звенело в ушах.

И все же он знал, что в этом крошечном коридорчике кто-то есть.

Сделав резкий выпад, Конан надеялся попасть в противника, но его меч лишь разрубил воздух.

– Ульсар! – негромко позвал киммериец.- Если ты здесь, не прячься. Выходи один на один. Принимай бой!

– Дался тебе этот Ульсар! – вдруг раздался из темноты сварливый голос малыша Бали,- Крадешься, как вор на ярмарке, только людей пугаешь! Лучше помоги мне, кажется, я что-то нашел.

Голос шел откуда-то снизу, и Конан наклонился, нащупав в темноте жесткие волосы карлика. Мальш стоял на коленях и сосредоточенно ковырял ножом каменную стену.

– Что ты нашел, Бали? – шепотом спросил Конан.- Амулет?

– Не знаю,- отозвался карлик.- Но у меня предчувствие, что он где-то здесь. Давай-ка поднажми!

Киммериец с силой уперся руками в стену и вдруг почувствовал, что она куда-то поехала. Едва не потеряв равновесие, Конан отшатнулся к противоположной стене.

– Подземный ход! – тяжело дыша, пробормотал он.- Жаль, что я не догадался взять факел у жонглера. Мы же ничего не увидим!

– Мы почувствуем,- спокойно сказал карлик, пробираясь в образовавшийся проход.- К тому же там не так уж темно.

Сев на корточки, Конан просунул голову в лаз и увидел, что где-то в глубине подземелья действительно мерцает тусклый свет. Нащупав под ногами ступеньки, он начал осторожно спускаться, по-прежнему держа наготове меч.

– Бали, где ты? – позвал он, не слыша и не видя карлика.

– Там же, где и ты,- отозвался Бали Маракуда.- А что?

– Я подумал, что ты куда-то пропал.- Конан протянул руку и тут же наткнулся на спину карлика.

– Ты забыл, киммериец, о чем я тебе рассказывал? – продолжая спускаться, с укоризной спросил Бали.- Я несколько лет жил в бочке и научился подолгу не дышать. Меня кормили один раз в три дня, и я научился так переваривать пищу, что у меня стали образовываться подкожные запасы. Теперь я могу один раз поесть и месяц ни о чем не волноваться. Но поесть, правда, надо как следует.

– Прямо как верблюд! – не удержался Конан.

– Сам ты конский навоз,- отозвался карлик.- И не перебивай, когда с тобой разговаривают. Так вот, в бочке я многому научился... Стоп, приехали!

Они оказались в узком туннеле, в глубине которого виднелась низкая

арка. Стараясь не шуметь, они заглянули внутрь.

– Амулет! – прошептал Бали.- Оум мани падме хум!

Посреди круглой комнаты на небольшом возвышении, вытесанном из камня, лежал странной формы предмет, слабо поблескивавший в свете двух факелов, укрепленных в настенных держателях. Факелы, видимо, были пропитаны каким-то особенным маслом, которое позволяло им гореть хоть и тускло, но долго.

Карлик как завороженный подошел к пьедесталу и опустился на колени, низко склонив голову. Киммериец осторожно тронул его за плечо.

– Пойдем, Бали, нам пора. Бери амулет.

Очнувшись, будто от сна, карлик поднял голову, бережно взял амулет и, не говоря ни слова, пошел к норе, крепко прижимая к груди знак своего рода.

Подойдя к каменным ступенькам, Конан решительно оттеснил Бали Маракуду.

– Я пойду первым. Ульсар, должно быть, где-то поблизости. А у меня с ним свои счеты.

Они выбрались из подземелья и вновь оказались в темном коридоре. Конан вытянул перед собой меч, который так и не убирал в ножны, и медленно двинулся вперед, проверяя, свободен ли путь.

– Конан! – вдруг радостно воскликнул Бали.- Амулет признал меня и начал помогать. Я вижу в темноте!

– Отлично.- Опустив меч, Конан повернулся к малышу.- Здесь есть кто-нибудь?

– Нет, путь свободен,- ответил Бали и, сделав несколько шагов, открыл дверь в комнату Ульсара.- И здесь никого.

Ни одной живой души не оказалось и в последнем коридоре, миновав который они вышли на улицу. Пройдя вдоль стены дома, Конан заглянул за угол и... нос к носу столкнулся с Ульсаром.

Они одновременно выхватили мечи, и началась яростная схватка.

Слуга Бешмета оказался искусственным бойцом.

– Кром! – зарычал киммериец, когда меч Ульсара задел его плечо.- Зря стараешься, хозяйский шакал! Корхасу конец, а тебе тем более!

– Это мы еще посмотрим! – злобно прошипел Ульсар, получив в свою очередь удар в бок. Его спасло лишь то, что удар был скользящим, да еще, вероятно, кольчуга, надетая под халат. Скривившись от боли, Ульсар отскочил в сторону, но тут же попытался ударить Конана по ногам.

Киммериец подпрыгнул, и меч Ульсара со свистом рассек воздух. Разъярившись, охранник вновь сделал резкий выпад, и грудь Конана

обожгла резкая боль. Стиснув зубы, он сделал ложное движение влево и, стремительно выбросив руку вперед, кольнул Ульсара под ребра. Взвыв от боли, охранник согнулся пополам, но ярость придала ему новые силы, и он опять бешено заработал мечом. Противники кружили по двору, шаг за шагом приближаясь к месту пиршества.

Праздничный гул разом стих, когда на аллею из-за кустов жасмина выскочили окровавленные бойцы, отчаянно рубившиеся мечами и осыпавшие друг друга проклятиями.

– Господин Меджед! – крикнул Корхас, подбежав к начальнику аренджунской стражи.- Один из них – известный вор, разбойник и убийца, которого вы давно ищете! Он втерся ко мне в доверие, я приютил его в своем доме, дал ему хорошую работу, а он ответил мне подлостью – убил и ограбил пятерых моих гостей. Мой человек следил за киммерийцем, потому что я начал его подозревать. Его надо немедленно схватить! Вы видите, он уже ранил моего охранника!

– Вижу,- отозвался Меджед, встав из-за стола.- Я хорошо его знаю, это Конан-киммериец1

– Вот-вот! – обрадовано подхватил Корхас.- И самое главное, это он убил государственного казначея! Он был тогда в маске, и я не узнал негодяя.

Услышав эти слова, Джайла побледнела и закрыла лицо руками. Начальник аренджунской стражи вытащил меч и широкими шагами направился в сторону дерущихся, за ним устремился начальник городской тюрьмы, тоже с мечом в руках. К ним присоединились еще два воинских начальника, а вдогонку за ними пустились те самые растяпы-охранники, от которых Конан постоянно ускользал.

– Брось оружие, киммериец! – грозно приказал начальник стражи,- Тебе все равно никуда не деться – ты окружен!

– Брошу,- отозвался Конан, не переставая наносить удары противнику.- Но не раньше, чем снесу башку этому шакалу!

Он не заставил Меджеда долго ждать и нанес Ульсару последний удар, снеся его голову с плеч. Затем северянин вытер оружие об одежду поверженного врага и, вложив в ножны, подошел к начальнику стражи.

– Схватить его! – приказал Меджед охранникам.

– Назад! – зарычал Конан, положив руку на меч.- С тем, кто посмеет сделать хоть один шаг, будет то же самое, что с этим негодяем!

Опасливо покосившись на обезглавленный труп Ульсара, рванувшиеся было вперед охранники попятились, но тут вперед решительно шагнул Меджед.

– Я бы сам отрубил тебе голову, киммериец,- грозно сказал он.- Но ты нужен мне живым. Я хочу знать, куда ты дел государственную казну!

– А вот об этом лучше спросить у Корхаса,- тяжело дыша, ответил Конан.- Да поторопитесь, пока он не сбежал!

– Что ты плетешь? – нахмурился Меджед,- Нам некогда слушать твои басни. Бросай оружие и сдавайся!

В этот момент ветви ближайшего дерева зашевелились, и оттуда высунулась рука, держащая небольшую деревянную шкатулку, а вслед за ней показалась и раскрашенная физиономия рыжего шута.

– Возьмите шкатулку, господин начальник стражи,- почтительно произнес он.- Вам будет чрезвычайно интересно ознакомиться с письмом, которое в ней находится. Вы знаете, меня просто мороз по коже пробирал, когда я читал его! Надо же, совершенно случайно нашел эту шкатулку, а то бы век не знал, что Корхас – кровожадный убийца. Он всегда казался таким добряком! Но теперь я так его боюсь, что вынужден прятаться на дереве.

Недоуменно пожав плечами, Меджед вытащил из шкатулки письмо и принялся читать, как вдруг у его уха раздался истощный вопль Корхаса.

– Нет! – Обезумевший от страха хозяин попытался вырвать свиток у начальника стражи, но тот толкнул Корхаса так, что тот упал на землю.

Меджед собрался было продолжить чтение, как вдруг заметил выкатившийся из кармана Корхаса небольшой блестящий предмет. Подняв его, начальник стражи растерянно посмотрел на трясущегося новобрачного.

– Перстень государственного казначея! – воскликнул он и приставил меч к горлу Корхаса.- Ну-ка, объясни, голубчик, как он к тебе попал?

– Мне его киммериец подсунул,- прохрипел хозяин, озираясь по сторонам.- И письмо он сам написал! Там все вранье, он хочет меня оклеветать!

– А откуда ты знаешь, что в этом письме? – спросил Меджед.- Ты что, глядел киммерийцу через плечо, когда он его сочинял?

– Нет, я...- пробормотал Корхас.- А вы обыщите его комнату! – внезапно крикнул он.- Наверняка найдете там все, что он награбил!

– Может, лучше начнем с тебя, Корхас? – сурово спросил начальник стражи. – Покажи-ка нам, что еще есть у тебя в карманах!

– Ничего! – Хозяин сунул руки в карманы и вдруг побледнел, метнув в киммерийца взгляд полный ненависти.

– Не стесняйся, Корхас,- подбодрил его Меджед,- Выкладывай, что там у тебя!

– Пожалуй, я вам помогу,- сказал появившийся откуда-то силач и,

схватив хозяина за ноги, перевернул его вниз головой.

Из отчаянно извивающегося Корхаса тотчас посыпались драгоценности и золотые монеты, которые он подбросил в комнату киммерийца. Это акробаты, надевая на новобрачного гирлянды, рассовали ему по карманам награбленное. Хорошенько тряхнув хозяина еще раз, силач отшвырнул его прочь. Окруженный плотным кольцом зрителей, изумленно глазевших на рассыпанные по земле драгоценности, Корхас заскрежетал зубами.

– Проклятый киммериец! – злобно прошипел он.- Ты поплатишься за это!

– Нет, Корхас, поплатишься ты,- тихо произнесла подошедшая к нему Джайла.- Теперь я знаю все, хотя и раньше догадывалась. Это ты убил моего отца!

Она вытащила спрятанный на груди длинный узкий нож, занесла его над своим мужем, но в этот миг ее руку перехватил какой-то высокий парень в смешных, коротких не по размеру, штанах.

– Не надо,- спокойно проговорил он, и Конан вдруг с изумлением узнал в молодом человеке своего приятеля карлика.- Его накажет мой амулет, а тебе не стоит пачкать руки.

На груди наследного принца ярко светился знак вендейского рода, в виде звезды со множеством тонких, почти прозрачных лучей, сияние которых все усиливалось, становясь нестерпимо слепящим. Корхас катался по земле и выл от боли – казалось, амулет жег его, превращая сначала в сморщенного старика, затем в карлика и наконец в жалкую кучку истлевших лохмотьев, которую тут же развеял легкий порыв ветра.

Толпа оцепенела. От Корхаса не осталось ничего.

Первым пришел в себя начальник стражи.

– Где этот человек? – крикнул он, ища глазами Бали Маракуду.- Кто он такой? Найти его!

– Зачем он тебе? – спросил Конан, успевший заметить, что Бали вместе с Джайлой вошли в дом.- Он – наследный принц, родом из Вендии. Их княжество когда-то разграбил Корхас вместе со своим дядей Бешметом, а всю его семью вырезал. Ты видел амулет у него на груди? Это знак их рода, он карает всех, кто причинит ему зло. Так что не трогай принца.

– Ладно,- согласился Меджед.- Если так, он действительно мне не нужен. Чего не могу сказать о тебе. Давненько я ждал встречи с тобой, Конан-кимме-риец! Забыл, как расквасил мне нос, когда я еще служил в Шадизаре?

– Разве можно такое забыть? – усмехнулся Конан.- Но неужели это до

сих пор тебя так волнует?

– Конечно, не только это,- сказал начальник стражи, подходя ближе к киммерийцу и делая знак охранникам окружить его,- Но за тобой ведь немало других подвигов, и тюрьма давно уже по тебе скучает. Какая удача, что сам начальник тюрьмы сейчас здесь!

Начальник тюрьмы хищно оскалился.

– Ну что ж, попробуй взять меня живым, Меджед! – Отскочив назад, киммериец выхватил меч.- Или, может быть, пожалеем этих бедняг и оставим их ослиные головы на плечах? – Конан указал мечом на окружавших его охранников.- А тебе лично, боюсь, в суматохе могу ненароком не только нос расквасить. Так что лучше договоримся по-хорошему!

– Я не намерен договариваться с преступниками! – побагровев, рявкнул Меджед.

– А если я скажу, куда Корхас дел государственную казну? – предложил киммериец.

– А ты разве знаешь? – недоверчиво спросил начальник стражи.

– Значит, договорились! – Конан сунул меч в ножны и подошел к Меджеду.- Только предупреждаю – без шуток! Иначе ты никогда не узнаешь, где она.

– Ладно,- неохотно согласился начальник стражи.- На этот раз я тебя отпущу. Но если еще раз попадешься, тогда уж не жди пощады! Говори, где казна?

– Ну уж нет, сначала я попрощаюсь с друзьями и уйду отсюда,- рассмеялся киммериец.- А когда буду уверен, что ты меня не надуешь, тогда и сообщу!

– А ты меня не обманешь? – наступился Меджед.

– Все от тебя зависит,- ответил Конан и, повернувшись, направился к стоявшим неподалеку балаганщикам.

– Мы еще увидимся,- говорил он, пожимая друзьям руки.- Спасибо за все. Пожалуй, я впервые понял, как важно знать, что ты не один.

– Мы всегда с тобой, Конан! – Силач похлопал киммерийца по плечу.- Увидимся! И не раз!

– Передай привет Бали,- добавил фокусник.- Он ведь, наверное, уже не вернется.

– Да уж, такую красотку отхватил, что теперь ему не до нас! – хитро прищурившись, усмехнулся рыжий щут.- Куда ты смотрел, Конан?

– Какую красотку? – растерялся киммериец и тут же яростно заорал: – Ну, я ему покажу!

Конан стремглав бросился к дому, но в дверях столкнулся с каким-то неведомым существом. Северянин потянулся было к мечу, но быстро сообразил, кто был перед ним. Старший слуга Грул с горшком на голове неуверенной походкой вышел на крыльцо и, шаря перед собой руками, завыл утробным голосом:

– Помогите!

Все, кто был во дворе, обернулись в его сторону и начали давиться от смеха. Разглядев в толпе Меджеда, дававшего какие-то указания охранникам, Конан помахал ему рукой и крикнул:

– Меджед! Вот этот парень тоже знает, где государственная казна! И еще многое другое! Посмотри в котлы старшего повара!

Вбежав в дом, киммериец помчался по коридору и за поворотом увидел спину Кушара, бегущего куда-то во весь дух.

– Кушар, это я! – крикнул Конан.- Кто тебя так напугал?

– Ты, конечно,- остановившись, ответил запыхавшийся разбойник.- Я иду себе по коридору, вдруг слышу – кто-то врывается в дом и несется прямо на меня как угорелый. Ну, думаю, конец пришел моей несчастной жизни.

– Сейчас сюда действительно придут стражники и будут обыскивать весь дом,- сказал Конан.- Так что надо сматываться. Где Бали? И Джайла?

– Карлика я не видел, а вот какой-то красавчик повел невесту Корхаса в ее покой,- доложил Кушар.- Не знаю, что все это значит, да мне и все равно, лишь бы уйти отсюда поскорее с моим золотишком.

– Я тебя познакомлю с этим... красавчиком,- пообещал Конан, сворачивая в сторону кухни.- А зачем ты выпустил Грула?

– Это который с горшком на голове? – Кушар прыснул от смеха.- Да надоел он мне – никак не хотел лежать спокойно! Я уж его укладывал, укладывал, а он все равно куда-то рвался. Ну, я и отпустил его погулять, все равно, думаю, с горшком на голове далеко не уйдет. А заодно я и сам решил немного размяться и выяснить, что да как, а тут как раз ты и появился...

– А почему он не снял горшок? – спросил Конан, когда они миновали пустую кухню.- Ты что его гвоздем прибил?

– Да нет,- Кушар снова заржал.- В горшке-то оказывается, на дне смола была, вот он и прилип намертво. Теперь до конца дней своих будет ходить в этой шапочке!

Конан тоже не удержался и громко расхохотался.

Они подошли к потайной двери покоев Джайлы. Распахнув ее, киммериец ворвался внутрь, ожидая увидеть Джайлу в объятиях коварного Бали Маракуды.

Но в комнате никого не было. Поразмыслив, Конан метнулся к тумбочке с витыми ножками, где когда-то стоял ларец.

Ларца там не оказалось.

«Все ясно», - подумал Конан и, пнув ногой тумбочку, решительно направился к двери, ведущей в покой Корхаса. Кушар, уже успевший сунуть себе за пазуху какие-то безделушки, удивленно взглянул на киммерийца.

– Ты чего разозлился? – спросил он. – И что собираешься сейчас делать?

– Пошли, – коротко ответил Конан, дернул дверь, но, убедившись, что она заперта, выхватил из-за пояса кинжал, чтобы отодвинуть им засов. – Кром! Ну, я покажу этому предателю!

Они ворвались в покой Корхаса, но там тоже никого не было. Конан, не задерживаясь, рванулся к двери в коридор, а его приятель, не удержавшись, схватил массивный золотой подсвечник и, пыхтя, начал совать его себе за пазуху.

Обернувшись, киммериец насмешливо посмотрел на Кушара.

– Да не влезет он, не влезет. К тому же у тебя уже есть один, – сказал он и, услышав топот, доносившийся со стороны главного входа, бросил: – Все, уходим!

Они прошли через потайную дверь в окутанный мраком коридорчик, где находился ход в подземелье. Встав на колени, Конан принялся ощупывать стену, ища лаз, но на этот раз холодные каменные плиты не поддавались его толчкам. «Ведь тогда я просто нажал на какой-то камень, и плита сразу отъехала! – лихорадочно думал Конан. – Я даже чуть не упал! Приснилось мне, что ли?» Киммериец изо всех сил толкал руками стену, пот стекал по его лицу, заливая глаза, но, не обращая на это внимания, он с отчаянным упорством продолжая давить на каменные плиты. Наконец Конан почувствовал, как один камень с трудом начал поддаваться. Он нажал еще сильнее и услышал, как что-то хрустнуло, и плита отодвинулась в сторону.

– Ты чего там возишься, Конан? – подал голос Кушар. – Клад ищешь, что ли?

– Уже нашел, – буркнул киммериец, протискиваясь в отверстие. – Давай быстрее сюда, если, конечно, сможешь пролезть!

Конан уже спустился на несколько ступенек и, подняв голову, увидел, что изрядно раздавшийся от наворованного золота Кушар и впрямь застрял в узком лазе. Киммериец протянул приятелю руку, чтобы помочь, но в тот же миг почувствовал, как кто-то с силой дернул его за ноги.

– Бали, брось свои шуточки! – крикнул Конан, скатившись вниз по

ступеням, но ответом ему была лишь зловещая тишина.

На этот раз в подземелье царила непроглядная тьма – видимо, факелы догорели, а новые зажечь было уже некому. Киммериец вскочил на ноги, выхватил меч, помахал им перед собой, несколько раз наугад ткнул пустое пространство, но ни одной живой души не обнаружил.

– Кто здесь? – тяжело дыша, спросил он.- Отзовись, и если ты мой враг, начнем честный бой!

– Я твой враг, варвар,- раздался из темноты голос Беркада.- Но честного боя у нас не получится – ты слишком хитрый, правда, я тоже не дурак.

– Что тебе надо? – спросил Конан, пытаясь понять, где Беркад затаился.

– Ничего особенного,- ответил голос. – Только твоя жизнь. Ты не уйдешь отсюда живым.

– Чего вы все ко мне привязались? – раздраженно спросил киммериец,- А если бы меня вообще не было?

– Мы бы тебя выдумали.- Казалось, Беркад наслаждался этой ситуацией.- Но ты сам пришел к нам в руки. Конан-киммериец, ты привык побеждать. Противно тебе, наверное, согласиться с тем, что на этот раз ты проиграл?

– Надеюсь, что мне никогда не придется с этим согласиться,- ответил Конан и резко взмахнул мечом – клинок задел что-то твердое. Подавшись вперед, киммериец нанес еще один удар, но в тот же миг почувствовал холод чужого оружия, скользнувшего по ребрам.

– Я еще два века проживу! – выкрикнул Конан.- Кто ты такой, я не знаю, и мне не нужна твоя жизнь, но я убью тебя и никогда не пожалею об этом!

Меч Беркада взвизгнул совсем близко, киммериец, отскочив в сторону, ответил резким выпадом и понял, что его клинок рассек грудь противника.

– Проклятый... киммериец,- услышал Конан сдавленный голос врага, рухнувшего у его ног, и в то же мгновение ощущил сильный удар по руке, заставивший его выронить оружие. Всем телом навалившись на Беркада, Конан попытался добраться до горла противника, но удар кинжалом в плечо вынудил его ослабить хватку.

В ярости киммериец несколько раз со всего маху опустил кулак туда, где, на его взгляд, должна была находиться голова Беркада. И не ошибся. Беркад дернулся и затих. Вытерев об его одежду окровавленные руки, Конан с трудом поднялся и сделал несколько неуверенных шагов.

– Кушар, где ты? – спросил он, не надеясь услышать ответ.

– Здесь! – раздался совсем рядом голос приятеля.- Не знаю, кто это был, но мне опять не понравилось, как он с тобой обращался. Поэтому я на всякий случай огrel его тем самым подсвечником, от которого ты так старался меня отговорить...

– Ну, огrel-то ты меня,- сказал Конан, потирая ушибленный локоть.- Твое счастье, что я был слишком занят. Ну, а теперь пора выбираться из этого дома.

– Конан, иди сюда! – услышал он вдруг знакомый голос. – Здесь, у земли, дыра, надеюсь, ты пролезешь!

Конан уперся руками в пол, передвинулся немного вперед и вдруг провалился в бездну. Летел он недолго. Вскочив на ноги, киммериец резко выбросил перед собой руку и успел ухватить клок чьих-то волос.

– Ой, больно! – раздался в темноте голос Бали Маракуды.- Какая муха тебя укусила?

– Ты меня предал! – зарычал Конан, пытаясь нащупать горло соперника.- И сейчас за это ответишь!

– Конан, успокойся, я знаю, что ты со мной справишься.- Бали похлопал Конана по плечу.- Я тебя не предавал, мне пришлось срочно убраться – надо же было забрать ларец,- но я ждал тебя здесь. И, пока ты там возился, я успел найти выход из этого подземелья.

– Ладно,- тяжело дыша, отозвался Конан.- С тобой я еще разберусь. Показывай, где тут выход.

– Давай руку!

Киммериец в темноте нащупал руку Бали Маракуды и покорно сделал несколько шагов.

– Кушар! – негромко позвал Конан.- Ты где?

– Здесь,- раздался шепот из угла.- Помоги мне!

Конан повернулся в сторону говорившего, и в тот же миг тяжелая металлическая решетка с грохотом выскочила из потолка и, пролетев перед самым носом киммерийца, выбила сноп искр из каменного пола.

– Вот теперь ты ответишь мне за все, Конан-киммериец! – продолжал шептать голос из темного угла.- Ты сгниешь здесь, и я буду наслаждаться твоими смертными муками!

Голос слегка дрожал; несмотря на угрозы, в нем чувствовалась растерянность.

– Замиля! – крикнул Конан, изо всех сил пытаясь поднять решетку.- Ну тебе-то чего надо?

– Мне надо твоей любви,- вдруг нежно ответила Замиля.- Если ты пообещаешь, что будешь со мной, я спасу тебя.

– Я буду с тобой, пока ты не испустишь дух! – пообещал Конан.- Годится?

– Она врет,- раздался из темноты голос Бали Маракуды.- Я ведь вижу в темноте, ее кинжал у твоего горла!

Конан прыгнул в сторону, а затем, ухватив косы Замили, ткнул ее лицом о каменный пол.

– Я не знаю, кто ты, может быть, любимая жена Корхаса,- произнес он, поднимаясь и отряхиваясь.- Жизни я тебя лишать не буду, но и с собой не возьму!

Нашупав нижний поперечный брус решетки, Конан изо всех сил рванул ее вверх, но железо уступать не торопилось. Подоспели Кушар и с другой стороны принц, но толку от них было мало.

– Отойдите... малыши,- сказал киммериец, вспомнив низкорослого Кушара и Бали, который, несмотря на свое преображение, едва ли дорох до плеча Конана.

Передохнув, он уперся ногой в вертикальный прут и, ухватив руками соседний, потянул так, что захрустели все суставы.

– Пролезешь? – повернулся он к Кушару.- Если пройдет твое брюхо, то и я смогу, наверное...

Они долго шли по подземному коридору, пугая жирных крыс и летучих мышей. Лишь через полчаса впереди наконец показался свет и, выйдя на поверхность, они увидели, что оказались далеко от крепостных стен Аренджуна.

Конан посмотрел на перепачканный землей свадебный наряд Джайлы и, вздохнув, сказал:

– Я был готов любить тебя и, наверное, мы были бы счастливы... Недолго... Я – бродяга, вечный скиталец, а тебе нужна семья, дети... А вот малыш – простите, принц, – он хоть прожорлив и сварлив, но, видит Кром, славный парень! Пойдем, Кушар, у нас дела.

* * *

Раннее утро. Солнце только что осветило холмы и поля близ города Аренджуна.

Под густым зеленым кустом близ дороги сидели Конан, Кушар и пять человек, лица которых громко говорили о роде их занятий. Их завтрак

состоял из половины копченого барана и семи больших кувшинов вина. Конан молча жевал, с обидой думая о том, что Джайла чересчур быстро согласилась с его предложением. А Кушар, вспомнив решетку, которую не смог бы разломить даже слон, решил, что с киммерийцем не стоит спешить расставаться.

За крепостной стеной Аренджуна готовился выступить в поход караван из восьми верблюдов, груженых так счастливо найденной государственной казнью. Золото должны были сопровождать два десятка до зубов вооруженных охранников.

Конан отбросил обглоданную баранью ногу, вытер пальцы о штаны и сказал:

– Кушар! Поднимись-ка вон на тот холм и посмотри, не открылись ли городские ворота.